

Портрет седьмой.

”ИСПЫТЫВАЮ СИЛЬНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ”

В годы царствования ”веселой царицы” Елисавет Петровны в Россию, страну, куда двинулось множество чужестранцев ”на ловлю счастья и чинов”, прибыл и молодой южанин Александр Геннади. Происхождение его весьма туманно: по одним документам он был ”из молдавских уроженцев”, по другим — ”грек с острова Корфу”. Во всяком случае сын и внук его считали себя по крови греками (этот род пресекался в третьем поколении).

Ловкий молодой грек-молдаванин как-то необычайно быстро разбогател, причем источники его богатства также определить трудно. Кажется, он уже при Екатерине II заведовал привозившимися в Кабинет императрицы мехами. Получив по выслуге лет чин, дающий право на российское дворянство, он его и приобрел в 1810 году.

Сын его, Николай Александрович, которому он дал хорошее образование, унаследовал от новоиспеченного дворянина большое состояние: помимо всякого другого недвижимого и движимого имущества — 20 тысяч десятин земли и поместье — село Юшино Сычевского уезда Смоленской губернии, в котором молодой наследник вскоре завел и стал

пополнять свою библиотеку. Николай Геннади женился неудачно: его жена, немка ("саксонка", как именуют ее документы; возможно, он и привез ее из Саксонии), Мари фон Плотц (по другим источникам — Плеске), не смогла ужиться с мужем, и вскоре супруги разошлись. "Саксонка" уехала, оставив мужу маленького сына Григория, будущего известного библиографа и библиофила. В отцовском имении и прошло детство мальчика. Образование он получил великолепное, не только домашнее, он еще посещал и Сычевское уездное училище, — очевидно, отец имел склонность к демократизму. Впоследствии Григорий Николаевич подарил этому училищу прекрасную библиотеку да к тому же был его почетным смотрителем и много помогал деньгами. От отца сын унаследовал и две страсти — к книгам и к женщинам.

Сын столь далеких по крови родителей, Григорий Николаевич и внешне был весьма своеобразен: будучи типичным южанином, он вместе с тем был светловолос. Вот как описывает его Я.Ф.Березин-Ширяев: "Он среднего роста, с удлиненными, несколько худощавым лицом, с светло-русыми на голове волосами, с небольшою бородкою и бакенами. В манерах его видна облагороженность, свойственная человеку высшего круга. Он говорит правильно и отчетливо, но несколько гнусавым тоном, вероятно, по привычке к французскому разговору"¹. Это описание относится к зрелому человеку, каков же был Григорий в юности, мы не знаем — портретов не сохранилось.

Мальчик получил образование в известном московском пансионе Леопольда Чермака, в котором несколько ранее учились братья Достоевские. Д.В.Григорович, также учившийся в этом пансионе, писал, что "лица, вышедшие из пансиона Чермака <...> отличались замечательною литературною подготовкою и начитанностью"². Не отставал от них и молодой Геннади. Затем он поступил на юридический факультет Московского университета, а через год перевелся в Петербургский, который успел окончить в 1847 году, до наступления "мрачного семилетия".

В первых дошедших до нас дневниковых записях Геннади — совсем еще юный мальчик, восторженный и сентиментальный. Вот его стихи:

Дай же мне войти в твое святилище,
Ты, Наука, будь спаситель мой,
Ты мой храм, ты чистое хранилище
Истины всевечной и святой³.

"Постоянно хожу в университет, записываю все лекции, обедаю обыкновенно дома, один, по вечерам у Демидовых, или в театре, или в сафэ читаю газеты. Ни одной минуты не ленюсь, много читаю, пишу часто письма отцу в Париж, в Москву и пр. А между тем как-то пусто. Может быть, оттого, что не влюблен. Что же делать, насильно нельзя"⁴. В сущности, он брошенный сын, растет без семьи, лишен родительской ласки и так уже привык к этому с детских лет, что и не замечает.

Еще в студенческие годы он становится страстным библиофилом. Каждую купленную книгу он прочитывает или по крайней мере внимательно просматривает. Сохранилась только одна из его тетрадей с записями о прочитанном; в ней — 1365 номеров. Что же привлекает юного студента? Прежде всего, это, естественно, беллетристика, поэзия и все важнейшие русские журналы (иностранные выписывал отец); это —

труды исторического характера: Гизо, Соловьев, многочисленные мемуары, биографии великих людей. Это — уже на столь раннем этапе — масса специфических библиографических трудов: каталоги Сопикова и Смирдина, росписи других книготорговых фирм, как отечественных, так и зарубежных, книговедческая литература самого различного профиля. Начинается комплектование справочно-библиографического отдела его библиотеки, впоследствии ставшего одним из выдающихся разделов этого книжного собрания.

По мере накопления книжных знаний и сведений издания обрастали всевозможными заметками, исправлениями, дополнениями, имевшими самостоятельное значение. Поэтому при распродаже библиотеки Геннади настоящие книжники старались приобрести именно эти издания. П.П.Шибанов пишет в своих воспоминаниях: "Геннади я не застал, но частицу его вкусил. Библиотеку Геннади, так же как и замечательное собрание его гравюр, приобрел А.Фельтен, тамошний торговец эстампами. И вот у этого Фельтена она распродавалась. <...> Купил я книги, главным образом по библиографии, которыми в то время очень интересовался. Эти книги снабжены в большинстве случаев пометками Геннади. Таким образом, я имел экземпляр Сопикова, весь с пометками Геннади, и другие вещи. У Фельтена на прилавке продавался оригинал 3-го тома его Биографического словаря. Я его тогда не купил. Впоследствии он попал к А.А.Титову"⁵.

Титов его и опубликовал в 1906 году в "Чтениях в Обществе истории и древностей Российских".

Девятнадцатилетний студент Григорий Геннади записывает в своем дневнике: "Что можно сделать для русской литературы?" Далее следуют 44 пункта, — распланирована вся дальнейшая жизнь! Вот лишь некоторые из них: "1) Издать для детей описание путешествий; 2) Историю Петра I для детей или, по крайней мере, юности его до самодержавного воцарения; 3) Издать сказочный сборник русских и иностранных сказок; 4) Биографии государственных мужей России; 5) Книжку для чтения в народных училищах; 6) Издать *дельно* сочинения русских классиков; 7) Биографии Пушкина, Ломоносова; 25) Биография и заслуги Новикова (его издания)" и мн. др. Замечательно, с каким знанием нужд русского книжного рынка составлен этот план. А ведь автор его — начинающий собиратель. Одним из последних пунктов является следующий: "Составить библиографическую систему для размещения и распределения библиотеки. Разобрать при этом более известные библиографические системы и исчислить главные библиографические руководства на иностранных языках"⁶.

Из этих же записей мы узнаем, что юноша читает и перечитывает "Опыт Российской библиографии" В.С.Сопикова, — несколько необычное чтение для богатого, красивого светского молодого человека. Из дневниковых записей студенческих лет видно, что работы Керара, Эберта, Петпольда являются его повседневным чтением.

А библиотека все растет. По выходе из университета молодой книжник завязывает ряд знакомств среди людей старшего поколения, ревностным учеником которых он затем станет. Это, прежде всего, С.Д.Полторацкий, С.А.Соболевский и директор императорской Публичной библио-

теки М.А.Корф. Отношения с последним носили, впрочем, более деловой, чем личный характер.

Молодой библиофил с громадным интересом знакомится с сокровищами Публичной библиотеки; его допускают и в такие отделы, куда простым смертным входа нет. За это он тоже немало делает для национального книгохранилища: составляет первую библиографию изданий библиотеки и, главное, принимает самое активное участие в ее аукционах. Весьма слабо финансируемая правительством, библиотека вынуждена была время от времени устраивать распродажу дублетов, зачастую весьма ценных. Устраивать такие книжные аукционы было не просто, и вот Геннади явился одним из пропагандистов в печати и активных участников этих распродаж. Не раз случалось так, что он приобретал какое-нибудь ценное издание, а затем дарил его Публичной библиотеке. Его статьи и заметки информационного характера об этих аукционах помещали на своих страницах многие периодические издания, особенно широко обращавшиеся в публике "Санктпетербургские ведомости".

В благодарность за эту поддержку Корф и ввел молодого человека в круг "стариков" — сорокалетних, таких как С.Д.Полторацкий. Между старшими библиофилами и начинающим сотоварищем сразу начался оживленный обмен редкими изданиями, сведениями историко-книжного характера, просьбами с одной стороны и советами с другой. Впрочем, надо отметить, что Геннади очень быстро стал "на равных" с прославленными "мэтрами" отечественного библиофильства. Те не могли не оценить рвения неопита. "Я не играю в карты, — пишет 27-летний Геннади Полторацкому, — а при продаже книг испытываю сильные ощущения, как картежник"⁷. К тридцати годам Григорий Николаевич Геннади становится уже известным библиографом и библиофилом.

Необычайно разрастается отдел библиотеки, посвященный библиографии на всех языках (Геннади, кроме трех "обязательных" европейских языков, свободно владел еще и итальянским). В своих "Заметках на память" он все время записывает названия приобретенных каталогов: "В последнее время отдел библиографии в моей библиотеке обогатился, и я не могу не выразить здесь моего удовольствия"⁸. После этого следует перечисление купленных изданий. Тут и зарубежные — труды Пеню, Нодье; тут и отечественные — каталоги Демидова, Разумовского и много других. Постепенно Геннади становится крупнейшим знатоком библиографических указателей, особенно отечественных, и решается на издание полного их списка.

И вот в 1858 году выходит труд 32-летнего библиографа и библиофила, переживший и его самого и его эпоху, — "Литература русской библиографии. Опись библиографических книг и статей, изданных в России. Составил Григорий Геннади". Эта работа почти полностью была составлена по фондам его личного собрания, с проверкой по библиотекам Полторацкого и Публичной. Небольшое дополнение к этому труду сделал С.А.Соболевский. Оно помещено в конце издания. Книга Геннади сразу стала настольной для библиографов и библиофилов и ныне еще не снята с полок справочных отделов больших библиотек. В настоящем очерке нет возможности остановиться подробно на достоинствах этого труда, и автор отсылает читателя к своей книге о Геннади⁹. Отметим

лишь одну особенность этой работы: здесь впервые опубликована библиография библиофильства в России. Раздел, именуемый "Библиотеки частных лиц", дает первые в русской печати систематизированные сведения по этому вопросу. Есть в книге также разделы "Библиофилия и библиомания" и "Описания редких и старинных книг" — все то, чем живо интересовался как сам автор, так и его читатели-книжники. Богатые сведения о библиотеках частных лиц содержит и другая работа Геннади, изданная немного позже, — "Указатель библиотек в России" (ЖМНП, 1864, имеется отдельный оттиск), — также не утратившая до сих пор справочного значения. Эта работа тут же была перепечатана в Германии, на страницах весьма популярного среди европейских книжников журнала Юлиуса Петцольда "Neuer Anzeiger für Bibliographie von Petzold"* (Dresden, 1864, № 8), и вызвала большой интерес у зарубежных библиофилов.

Геннади, таким образом, явился зачинателем библиографии библиофильства, и это одно дает ему почетное место в истории отечественного книгособирательства. Для составления указателей нужен был громадный предварительный труд, выразившийся прежде всего в просмотре сотен номеров газет (в том числе провинциальных) и журналов. В архиве Геннади (ГПБ) хранятся многочисленные папки с подготовительными материалами к этим трудам.

В этом вопросе, как и в многих других, Геннади двигался в русле общих для русских деятелей книги интересов. Например, в архиве С.Д.Полторацкого именно в эти годы копился материал по истории библиотек в России и их современному состоянию, также в основном из вырезок журнально-газетного происхождения. Но Полторацкий лишь копил, а молодой его собрат собрал, систематизировал и издал нужный справочник. Очень возможно, что он использовал и материалы, собранные Полторацким. Здесь же, в одной из папок архива Полторацкого, хранится экземпляр "Указателя библиотек в России" с дарственной надписью Г.Н.Геннади.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в библиотеке Геннади был весьма богатый раздел, посвященный вопросам библиографии и библиофилии. С.А.Соболевский и рецензенты, откликнувшиеся на выход в свет "Литературы русской библиографии", смогли добавить к ней весьма немного. Отдел библиографии в собрании Геннади содержал и уникальные издания. Так, из писем к нему П.А.Ефремова мы узнаем, что Геннади имел у себя редчайший "Опыт исторического словаря о российских писателях" Н.И.Новикова, которого не было и у Ефремова. На все просьбы последнего об обмене этого издания на любое, самое редкое, Геннади отвечал отказом, но он одолжил эту книгу Ефремову, когда тот задумал переиздать этот первый в России библиографический словарь¹⁰. Вошел он в состав ефремовских "Материалов для истории русской литературы" (1867). Ныне мы пользуемся именно этим переизданием, — первоизданий почти не осталось, да и геннадиевский экземпляр сгнил вместе со всей его библиотекой.

* Новый указатель по библиографии Петцольда. Дрезден, 1864, № 8.

Есть еще один раздел собрания Геннади, который можно также умозрительно реконструировать. Это — коллекция альманахов и литературно-научных сборников. Среди современных ему библиофилов была сильно распространена "мода" на соби́рание именно этих изданий. Великолепной коллекцией альманахов располагал Е.И.Якушкин. Старинные сборники собирал А.Н.Неустроев. Прекрасно представлены эти издания в библиотеке М.Н.Лонгинова. Не отставал от них и Геннади. Обстоятельства сложились так, что мы можем совершенно точно восстановить этот раздел его книжного собрания.

В Рукописном отделе Публичной библиотеки хранится неопубликованная работа Геннади, которая носит название: "Библиография русских альманахов и литературных сборников. Составил Григорий Геннади (по экземплярам своей библиотеки). 1870-е гг.". Это — большая работа, писанная рукою Геннади. В ней — 212 листов, на которых подробно описаны 122 альманаха и сборника литературного характера, вышедших в 1796—1867 годах. Автор приводит не просто заглавия — он дает полную роспись содержания каждого альманаха и сборника. Все описания сопровождаются аннотациями, как правило, отражающими историю создания того или иного альманаха.

Особенно подробно проаннотированы издания XIX века, причем в ряде случаев приводятся сведения, которые нельзя было почерпнуть из печатных источников (о цензурных мытарствах издания, об отдельных вырезанных цензурой листах, иллюстрациях и т.п.). К этому в высшей степени ценному библиографически-библиофильскому исследованию примыкают хранящиеся также в архиве Геннади неоконченные работы: "Альманахи детские" (аннотированный список 10 книжек) и "Сборники ученых статей. Библиография. 1860—1870-е гг.". Это — также аннотированный список 24 сборников различного содержания, вышедших в свет в 1845—1860 годы. Весьма показательны для интересов Геннади, что в этом списке указан "Исторический сборник Вольной русской типографии", изданный Герценом в 1859 году (также с подробной росписью статей). К предыдущему списку примыкает еще один: "Сборники учено-литературные. Библиография. 1860—1870-е гг.". Это — аннотированный указатель 21 сборника смешанного содержания, изданного в разные годы ¹¹.

Таким образом, Геннади собрал, изучил и подробно описал 274 издания типа "альманах" и "сборник". Сам он, очевидно, не считал эту работу завершенной и поэтому ее не издал, что весьма жаль, ибо она сильно облегчила бы (а отчасти и заменила) последующие труды в этой области.

Из писем Геннади мы узнаем множество конкретных сведений о покупках как старых, так и новейших книг. Они дают общее представление об его вкусах и пристрастиях. В области старой книги он — как все его современники — рад покупкам редкостей, но никогда не ставит их во главу угла собирательства и не делает самоцелью. Современную же литературу он покупает почти всю, ибо в средствах не ограничен, да и читает свободно на четырех языках. Есть у него, конечно, и просто редкие книги, не имеющие внутренних достоинств, но у какого собирателя их не было? Так, например, он сообщает Полторацкому, что у него есть

”разряд потешных книжиц”, но это — просто библиофильские игрушки. Он решительно осуждает тех, кто собирает все старое без разбора. Описывая Полторацкому библиотеку такого собирателя — некоего Шишкина — Геннади пишет: ”...он решительно библиограф”¹². С добродушной усмешкой он повествует: ”У нас гостит живописец Майков с сыном (не поэтом, а студентом), который тоже библиографствует. — Нынче все б<библиограф>ствуют, и мы с вами решительно современные люди, а Лонгинов просто лев, chicard”¹³. Просим читателя вспомнить, что слова ”библиограф” и ”библиофил” в те годы зачастую употреблялись как синонимы.

В одном из писем 1856 года Геннади сообщает Полторацкому, что занят составлением каталога своей библиотеки¹⁴. Как жаль, что он не дошел до нас. Да и был ли он окончен? Каталогов своих собраний не имели многие выдающиеся библиофилы того времени: Ефремов, Якушкин и др.

Перед нами отчетливо вырисовывается фигура библиофила того времени, очень похожего по своим интересам и устремлениям на других виднейших книгособирателей второй половины XIX века. Геннади отличался от них разве только тем, что не был стеснен в средствах. Во всем же остальном — это такой же культурный и разборчивый собиратель, как Полторацкий, Ефремов, Полуденский и подобные им деятели на ниве российского просвещения. Как и они, он не просто собирал, но, и усердно изучал русскую книжную старину. К нему обращались с вопросами, касающимися отечественной литературы, даже такие знатоки, как П.А.Ефремов¹⁵. Он был, как читатель уже знает, и зачинателем библиографии библиофильства, собирателем и публикатором сведений о частных библиотеках в России.

Но этим не исчерпываются заслуги Г.Н.Геннади перед русским библиофильством. Он сделал еще одно очень важное дело: выступил как теоретик библиофилии. Его очерк ”О редких книгах, в особенности русских”, напечатанный сначала отдельно, а затем, в значительно переработанном виде, предпосланный его знаменитой книге ”Русские книжные редкости”¹⁶, был, строго говоря, первой в России серьезной работой, посвященной проблемам книгособирательства. Мы не будем пересказывать ее подробно: читатель найдет ее в этой книге. Здесь же отметим главное: стремление Геннади дать классификацию не только редких книг, но, что еще важнее, самих собирателей.

В те годы библиографическая и библиофильская терминология находилась еще в совершенно младенческом состоянии. Еще не ощущалось принципиальной разницы между понятиями ”библиофил” и ”библиоман”. Как пример последнего, укажем на то, что даже просвещеннейшие библиофилы, составившие редакцию ”Библиографических записок”, в объявлении об издании вместо слова ”библиофил” написали ”библиоман”, считая его синонимом первого. Хорошо, что нашелся цензор (Бекетов), уже чувствовавший разницу между этими понятиями и исправивший слово (об этом с удовольствием сообщает Полторацкому тот же Геннади)¹⁷. Эта зыбкость терминологии вносила известную путаницу и в сами понятия. С нею надо было как-то разобраться и навести порядок. За это и взялся Геннади. В его исследовании четко проводится

грань между "просвещенным библиофилом", чудаком библиоманом с его странностями и прихотями и "книжным кощею" — библиофагом. Он писал и о том, что создание крупных личных библиотек зачастую имеет в виду "интересы науки", что "искатели и собиратели редких книг руководятся часто прекрасною целью и передают другим пользу и удовольствие, которые извлекают сами из своих библиотек", что им мы бываем обязаны "сохранением исчезающих из обращения произведений печати". Все это, на фоне тех насмешек, которым подвергалось библиофильство со стороны немалого числа журналистов, выразивших обывательское мнение, было очень важно.

В очерке Геннади дана и классификация самих редких книг. Это также интересно, хотя и не бесспорно. Но еще важнее то, что Геннади отказывает в уважении и звании настоящего библиофила тем, кто гонится только за сверхредкостями, иногда и поддельными, ибо такие библиоманы редко бывают сведущими людьми. "Приятно библиофилу иметь хорошее тиснение станков эльзевировых", — пишет Геннади, — но странна и мелочна ревность людей, питающих особенное уважение к каждой пустой и даже дурно напечатанной книжонке, лишь бы на заглавном листе ее был выставлен знак, иногда поддельный, типографии одного из Эльзевиров"¹⁸. Вся эта работа Геннади, несмотря на то, что нас отделяет от нее более столетия, и теперь читается с интересом; в свое же время и она, и особенно следующая за ней библиография редких книг стали сразу настольными для нескольких поколений отечественных книгособирателей.

Здесь приспело время рассказать об одной околонуточной легенде, связанной с репутацией Геннади и — отчасти — с его книгой, о которой только что шла речь. Существовало (и до сих пор продолжает бытовать) мнение, что во второй половине XIX века в России было два типа книгособирателей: "геннадиевского" и "ефремовского" толка. Кто был творцом этой легенды, когда и по какому поводу она была впервые сформулирована, — теперь уже не установить. Суть ее была в том, что библиофилы "геннадиевского" толка были всеядными приобретателями редкостей, не имевшими представления о внутренней ценности книг; последователи же Ефремова вообще отвергали увлечение раритетами и собирали книги только согласно их содержанию. Один из видных советских книгособирателей — Н.П.Смирнов-Сокольский подметил связь этой легенды с работой Геннади "Русские книжные редкости", в которой действительно были описаны редкие книги весьма различного внутреннего достоинства. Он писал: "Собственно, если проанализировать его работу серьезно, вина Геннади может быть и не столь велика, но он, что называется, "попал в анекдот", и с тех пор людей, занимающихся бессмысленным накоплением каких попало "редких" книг, стали звать "геннадиевцами" или "собирателями редкостей", намекая этим на безграмотность таких библиоманов. В противовес "геннадиевцам" существовали собиратели "ефремовского" толка, по имени другого библиофила и книголюба — П.А.Ефремова <...>. Разумеется, точные "границы предмета" наметить трудно во всем, и нередко "ефремовцы" (да и сам Ефремов) тряслись над какой-нибудь чепухой, а "геннадиевцы" ловили чудесные книги, на которые "ефремовцы" не обращали внимания"¹⁹.

Все правильно, но этого, как говорится, недостаточно. Ведь дело не в том, кто что "ловил", — тут вопрос удачи, а дело в принципиальных установках. И Ефремов, и Геннади отдали дань увлечению старой русской книгой. Нельзя назвать ни одного видного библиофила (кроме разве Е.И.Якушкина), который не отдал бы дань этому увлечению. Но это не имеет ничего общего с безграмотным приобретательством одних "редкостей". Читатель уже видел в главе о Ефремове, что тот не только имел множество редких книг, но и переиздавал на радость библиофилам некоторые из них, притом заведомо не имевшие никаких внутренних достоинств (как "Приключение Густава"), о чем сам Ефремов заявлял печатно. Геннади тоже имел полку "потешных книжиц", которые он оценивал по достоинству, т.е. как "бирюльки". Его библиотека отличалась высокими достоинствами — недаром такой прожженный делец, как Фельтен, купил ее у вдовы, не глядя. Знал, что покупает. Это знала и вся библиофильская Россия.

Но не успел Геннади умереть, как родилась эта легенда, оскорбляющая его память. В чем же дело? А "вина" его, как верно подметил Смирнов-Сокольский, в издании работы "Русские книжные редкости". Почему же так подвела Геннади эта книга, ставшая сразу настольной для множества библиофилов, увлекавшихся именно отечественной книгой, и вместе с тем сгубившая репутацию Геннади? Откроем ее, читатель. Вначале, как уже говорилось, идет очерк "О редких книгах, в особенности русских" (до него имеется краткое предисловие, но на нем мы останавливаться пока не будем). За ним идет собственно список русских редких книг числом 248, причем каждая запись сопровождается более или менее подробной аннотацией. Действительно, здесь книги весьма различного достоинства — от "Похождения Ивана Гостиного сына" до "Путешествия из Петербурга в Москву". Но, включенные в один ряд по признаку редкости, они охарактеризованы в аннотациях как раз по их внутреннему достоинству. Так, о первой из этих книг Геннади пишет: "Книга очень редка, я долго искал ее. Напечатана дурно, в неизвестной типографии, писана безграмотно, нескладным грубым слогом, смесью искусственных переводных выражений с простонародными оборотами, но, вероятно, по разнообразному содержанию и сказочному интересу имела много читателей, а потому стала так редка"²⁰. Да ведь это целое (хоть и маленькое) библиофильское исследование! А вот как охарактеризована знаменитая "Мешенина", предмет исканий книгособирателей:

"Издатель этой безграмотной галиматсы говорит о себе, что он иностранец <...> без сомнения по недостатку подписчиков вышло только два номера <...> поэтому журналец чрезвычайно редок" (с. 50). А вот отзывы о книгах совсем иного рода: "Трутень" — "это один из лучших сатирических листков того времени" (с. 43). Рассказано обо всех переизданиях "Путешествия из Петербурга в Москву" (лондонском и ефремовском), о цензурных мытарствах "Вадима Новгородского" Я.Б.Княжнина, причем в обоих случаях указано, в каких частных библиотеках имеются эти редкости. О запрещенном цензурой "Европейце" Киреевского сказано: "Это замечательный журнал, которого название служило ему знаменем и который вышел представителем европеизма в Москве, стоял тогда особняком в нашей литературе и при серьезности направления

мог бы достойно заменить упавший уже тогда Московский телеграф Полевого” (с. 102–103).

Вся книга — целый цикл, каскад библиофильских сведений, раздумий, изучений. Так в чем же дело? А в том, что как раз в это время (1870-е гг.) на библиофильскую арену победоносно вышел российский купец — богатый, не очень грамотный и, как полагается выскочке, весьма амбициозный. Такая книга была для него просто неоценимой: надо было собрать все, что в ней указано, — в этом был своего рода библиофильский шик. И вот началась погоня за всем указанным в этой книге, независимо от достоинства издания.

А ведь Геннади преследовал совсем иную цель. Вот что писал он в предисловии: “Полагая угодить русским библиофилам и библиотекарям указаниями о русских редких книгах, я составил предлагаемый список. Вместе с тем этим списком вносятся в русскую библиографию сведения о многих книгах малоизвестных, частью вовсе не указанных в наших каталогах”. То есть книга предназначалась для справок, а вовсе не в качестве рекомендательного пособия для начинающих библиофилов. Заметим, к слову говоря, что подобные издания имеются на многих европейских языках и авторов их никто не обвиняет в пристрастии к собирательству “редкостей”. Это — нужные справочники, и только. Так что в возникновении “геннадиевцев” (которые, впрочем, совершенно не характерны для русского собирательства и являются в нем скорее фигурами анекдотическими) Григорий Николаевич Геннади отнюдь не повинен. Сам он “геннадиевцем”, конечно, не был. В этой истории есть еще один оттенок: желание во что бы то ни стало “приподнять” П.А.Ефремова (человека более прогрессивных убеждений) еще и как библиофила. Это весьма характерно и не ново. Но Геннади при этом пострадал безвинно. И пора (давно пора!) восстановить историческую справедливость.

Как раз во время выхода этой замечательной (и — злосчастной одновременно) книги Геннади был в апогее известности. Он возглавлял “дуровские среды” — регулярные собрания библиофилов, на которых происходил оживленный обмен мнениями и находками, делались всевозможные доклады и сообщения, — где была ключом русская библиофильская жизнь. Нет сомнения, что в этой среде такая книга была встречена с одобрением, как необходимый справочник для всех, интересующихся старой отечественной книгой; была эта книга и в личной библиотеке Н.А.Некрасова, который не приобретал ненужных книг²¹.

В альбоме М.И.Семевского, хорошо известном историкам России, есть три автобиографические записи, сделанные рукою Геннади в разные годы. Последняя из них, сделанная незадолго до ранней смерти библиофила, такова: “Геннади, Григорий Николаевич, бывший библиофил, ныне библиограф и собиратель портретов <...> Печатал разные библиографические статьи и указатели, известные более или менее Мих<аилу> Иван<овичу> Семевскому, и мечтает окончить допечатанный до половины словарь (справочный) о русских писателях и ученых”²². Запись датирована ноябрем 1879 года. Григорию Николаевичу оставалось жить четыре месяца.

Г.Н.Геннади чрезвычайно серьезно относился к званию библиофила, что ясно видно уже из этой записи, пусть и несколько шутилой.

Поскольку, всецело занятый своим фундаментальным словарем, он на некоторое время снизил библиофильскую активность и не выступал в печати со статьями и заметками о старой книге, он уже не именовал себя библиофилом.

Г.Н.Геннади был очень плодовитым библиофильским писателем. В этом отношении его можно сравнить разве только с М.П.Полуденским и М.Н.Лонгиновым. Перу Геннади принадлежат десятки заметок, посвященных редким книгам, книжным аукционам, личным собраниям библиофилов, жизнеописаниям книжников. Громадный массив биографических сведений о русских собирателях и литературы о них содержит его "Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях". Следуя новиковской традиции, он включил в этот справочник сведения обо всех видных отечественных собирателях (разумеется, если о них существовали печатные сведения), независимо от того, выступали ли они сами в печати. Библиофил приравнивался к деятелю культуры, а таковым было отведено почетное место в словаре.

Некоторые, наиболее интересные образцы библиофильских сочинений Геннади читатель найдет в этой книге. Полный список его сочинений помещен в книге У.Г.Иваска "Григорий Николаевич Геннади (Обзор жизни и трудов)" (М., 1913).

Судьба библиотеки Геннади плачевна. Он умер внезапно, приехав в Петербург на короткое время из Дрездена, где жил в последние годы. Стоял сырой петербургский февраль, а франтоватый Геннади был в легком заграничном пальто. Он простудился, заболел воспалением легких и умер на 54-м году жизни, умер в гостиничном номере отеля "Виктория" на Большой Конюшенной, не имея около себя ни одного близкого человека.

Осталась вдова, жившая в Германии. Эта женщина настолько не подходила красивому, жизнерадостному, пылкому Григорию Николаевичу, что женитьба его вызвала град насмешек и эпиграммы Соболевского, не воспроизводимые по своей цензурности. А польстился бедняга Геннади на княжеский титул засидевшейся девицы Куракиной. Будучи сам дворянином лишь в третьем поколении, он, очевидно, желал своим детям оставить аристократическую родню. Но детей не было, семейная жизнь сложилась неудачно. Как только Геннади похоронили на Новодевичьем кладбище Петербурга, так вдова начала распродавать его имущество. Сам библиофил собирался подарить Москве свое собрание портретов, это было широко известно, он не раз говорил об этом, собрание даже хранилось одно время в Чертковской библиотеке в Москве и было доступно обозрению, но завещания Геннади не оставил и все перешло к вдове. Картины она продала вместе с книгами. Все это взял, не раздумывая и не глядя, петербургский антиквар Фельтен. Книг было более 15 тысяч (из них более 7 тысяч — русские). Все было продано в розницу, причем книгопродавец гарантировал вдове чистых 8 тысяч. Сколько на этом заработал он сам — неизвестно. Ведь в библиотеке были книги поистине драгоценные.

Собрание гравированных портретов состояло из 6 тысяч листов. Купил его тот же Фельтен, не глядя, ибо симпатичная вдова ему этого не позволила. "Не думая долго, — писал Фельтен Иваску, — я купил собрание,

не рассматривая его дома (т.е. в Дрездене у вдовы). Одно имя Геннади и уважение к его трудам было для меня достаточно”²³. Это еще одно доказательство, как высоко ценили Геннади-собирателя его современники, и не только собратья по библиофильству, но и люди, причастные к книжной торговле и вовсе лишенные сентиментальности. И хотя библиотека Геннади не сохранилась, он оставил нам труды, значительная часть которых была составлена по его личному собранию. Таковы и ”Литература русской библиографии”, и ”Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях”, и библиографический справочник ”Les écrivains franco-russes”¹, отразивший труды отечественных авторов, писавших по-французски, и неопубликованная работа о русских альманахах, о которой мы рассказали читателю. Таким образом, можно считать, что собирательская деятельность Геннади не пропала даром: его библиографическими работами еще и сегодня пользуются слависты всего мира.

Г.Н.Геннади. ИЗБРАННОЕ

О РЕДКИХ КНИГАХ, В ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ

Собственно редкою книгою можно назвать всякую книгу, которую трудно добыть, но это определение, очевидно, слишком обширно. Надо ближе определить значение редкости книг и войти в некоторые подробности. Иначе пришлось бы считать редкими большую часть книг, особенно русских, потому что, вследствие недостаточного развития нашей книжной торговли, трудно иногда найти книгу очень не редкую, которая, может быть, лежит где-нибудь в значительном количестве экземпляров. Случается, что не достанешь в Москве и Петербурге книгу, напечатанную в провинции и на месте не имеющую сбыта. Наконец, у нас иногда не знаешь, к кому обратиться за книгою, которая не очень известна, потому что у нас не значатся на самих книгах имена издателей их, как это водится в других странах Европы.

Чрезвычайно разнообразны стремления, желания, мнения и вкусы людей, ищущих и собирающих книги, занимающихся этим делом ревностно, с любовью, с терпением и иногда посвящающих этому всю свою жизнь, всю свою деятельность. Разобрать пружины, действия, виды страсти к книгам — задача для моралиста. Страсть эта в проявлениях своих чрезвычайно разнообразна и доводит человека скорее, чем другие страсти, до крайностей странных и смешных. Это, кажется, происходит оттого, что эта страсть тихая, так сказать, тлеющая в душе человека. Она может иметь источником самые благородные, высокие стремления и, с другой стороны, самые мелочные, даже низкие побуждения. Существуют, например, библиофафы (буквально: зарыватели книг), люди, которые собирают книги только для того, чтобы укрывать их, как в кошель прячут деньги. Они забывают цель книги и пользу ее и видят в ней лишь вещь, с трудом добытую и ценную, которую надо тщательно оберегать от чужого глаза и всякого посягательства на нее. Но независимо

¹ Русско-французские писатели.

от духовных стремлений, оживляющих разборчивого и сведущего библиофила, от причудливых, иногда странных желаний и прихотей, увлекающих библиомана, и низких побуждений книжного кощера, вероятно, в душе человека есть более глубокое основание книголюбия. Это основание должно искать как в потребности духовной пищи и умственных нуждах, так и в общем всем людям стремлении к приобретению и обладанию, в наслаждении чувством собственности, прирожденном человеку. От этого библиофил желает не только пользоваться книгой, но и приобрести ее. От этого же происходит страсть к редким книгам: собирателю таких книг приятна мысль, что книжная редкость принадлежит именно ему и очень мало и даже совсем нет таких же избранников, как он. И он благословляет случай, доставивший ему драгоценную книгу, он уважает и любит ее, украшает перешлетом и только скрепя сердце расстается с нею. На книжных аукционах можно заметить, что книги, неважные по содержанию, неизвестных авторов, незамеченные в летописях литературы или примечательные по каким-либо внешним особенностям, привлекают многих и присуждаются за большие суммы. Книга пустая может иногда быть редка и потому делается ценною. В таких случаях уже забывается значение, смысл и цель книги: это просто редкая или изящная вещь, которой любители, а иногда мода, придали особую ценность.

Эта жажда приобретения книг и гонка за экземплярами, которые трудно добыть, имеет иногда побуждением не одну только исключительную библиоманию, а интересы науки. Есть собиратели, образующие библиотеки по каким-либо отраслям знания, или ученые-специалисты, которым дорого иметь известный разряд сочинений, и если какой-либо книги, иногда и неважной, недостает в их собрании, они способны отыскивать ее с ревностью рьяного библиомана, чтобы пополнить свое собрание. Эти специалисты своими исканиями также увеличивают ценность некоторых сочинений. Требования на известные сочинения или целые разряды каких-либо книг могут возникнуть вдруг и придать значение забытым книгам. Так, например, при составлении отделения иноязычных книг о России (Rossica) в Императорской Публичной библиотеке, по мысли графа М.А.Корфа, в Германии стали отыскивать требуемые книги и они вследствие того вздорожали и явились особые антикварные каталоги, в которых отмечались изъятые из торговли и трудно находимые сочинения о России.

Самая редкость книги должна бы, казалось, ручаться за ее достоинство, потому что, если книга разошлась и не находится более в книжной торговле, это значит, что она полезна или нравится и, во всяком случае, читается, поэтому она, казалось бы, достойна внимания и заслуживает место в библиотеке. Но общеизвестность сочинения, точно так же как его редкость, не указывает еще на его внутреннее достоинство. Есть, разумеется, много редких и даже очень дорогих книг, но вместе с тем ничтожных или по крайней мере малозначущих и нелюбимых, потому что, собственно говоря, нет совершенно ничтожных книг. Надо согласиться с Плинием Старшим, сказавшим, что нет такой дрянной книги, в которой не было бы чего-нибудь годного. С мнением Плиния согласны все букинисты: они не брезгают никаким книжным хламом, будучи уверены, что всякая книжка найдет своего покупателя. Это мне случа-

лось не раз слышать от них, когда, бывало, удивляешься множеству из рук вон плохих, разрозненных и изуродованных книг, валяющихся на лотках их.

Положим, что очень часто трудно добываемые и усердно искомые книги не важны и приобретаются только редкости ради, а хорошие сочинения часто перепечатаются и, стало быть, не редки. Но из этого нельзя еще вывести, что исключительно редкие книги не стоят внимания, что пристрастие к ним мелочно и бесплодно и что библиоманы заслуживают одной только насмешки и даже осуждения. Смотря по причине, обуславливающей редкость книги, и иногда по степени этой редкости, можно делать отчасти заключение о значении и достоинстве книги. Наконец, искатели и собиратели редких книг руководятся часто прекрасною целью и передают другим пользу и удовольствие, которые извлекают сами из своих библиотек. Им также часто мы обязаны сохранением исчезающих из обращения произведений печати, которые, с течением времени и развитием литературы, получают цену. Только таким любителям, как, например, Хлебников, обязаны мы сохранением русских ведомостей времен Петра I и разных листков, истребляемых как ненужные и только теперь, при возбуждении исторической любознательности, получивших значение материала истории.

Но какие же книги редки и почему они делаются редкими? Об этом писали многие библиографы, особенно составители каталогов редких и любопытных книг, например у французов Клеман, Пенью, Барбье, Брюне, у англичан Дейбдин, у немцев Эберт, Грессе и другие.

Обыкновенно разделяют книги на редкие, очень редкие и чрезвычайно редкие. Но это определение слишком неопределительно и произвольно.

Гораздо лучше делить редкие книги на безусловно-редкие и условно-редкие. При известных признаках и сведениях можно почти всегда отнести книгу к тому или другому разделу и тем самым уже определить степень ее редкости.

К безусловно-редким книгам принадлежат, во-первых, печатанные в малом числе оттисков. Сюда относится большая часть инкунабулов, т.е. первопечатных, или, в буквальном значении, колыбельных книг, вышедших из-под станков первых книгопечатников 15 столетия. В начале введения книгопечатания книги продавались за рукописи и выходили в небольшом числе экземпляров. Инкунабулами называются книги, печатанные в 15 столетии, и они вообще редки, а особенно редки изданные до 1470 года, потому что после этого, по распространении книгопечатания, книги издавались в большем количестве оттисков. Первые издания, вышедшие из майнцских заведений Гутенберга, Фауста и Шефера, сохранившиеся доселе, известны все наперечет. У нас первопечатными книгами можно считать или печатанные в славянских землях, в Кракове, Львове, Вильне в 15 столетии, или в Москве в 16 столетии. Старопечатными у нас вообще называют книги, печатанные до 1700 года церковным шрифтом, и обыкновенно присоединяют к ним книги времен Петра Великого, печатанные частью церковными, частью гражданскими буквами. Они вообще редки, однако в различной степени. Благодаря трудам Сопикова, Строева, Кеплена, Снегирева, Сахарова, Ундольского, Кастери-

на, Каратаева, Бычкова, Пекарского и других библиография этих изданий довольно разработана, хотя еще нет общего, окончательного труда по этой части. После старопечатных и петровских изданий довольно редки вообще вышедшие в ц<арствование> Екатерины I и Анны Иоанновны и особенно в ц<арствование> Иоанна Антоновича.

Не только инкунабулы, но и позднейшие первенцы разных типографий, вскоре после открытия книгопечатания, можно считать редкими, потому что они, как первые опыты, немногочисленны и как предметы любопытства ревностно собираются. Англичане дорогою ценою добывают издания первого английского типографа Какстона. У нас ценятся первые книги, печатанные в некоторых славянских городах, в Москве и в так называемых "кочевых типографиях". Примечательна первая книга, напечатанная гражданским шрифтом: это "Геометрия славенски землемерие и—здается новотипографским тиснением" (М., 1708, с чертежами)* или первая книга, изданная в Новороссийском крае: "Канон вопиющая во грехах души" (Кременчуг, 1791, в 12 д<олю> л<иста>)**. Трудно найти теперь книги, печатанные на русском языке в Амстердаме, по приказанию Петра Великого.

Как старопечатные, так есть и новые книги, печатанные в малом числе экземпляров. Причины этому разные, и часто одна прихоть какого-нибудь автора, который нарочно желает придать редкость своему произведению. Есть общества библиофилов, печатающие свои издания соответственно числу членов общества, всегда почти небольшого. Часто печатающие что-либо для своих частных целей ограничивают число оттисков. Один из известнейших библиофилов, Дейбдин***, издавал свои сочинения в малом числе. Так как эти сочинения весьма любопытны, важны для библиографии и изданы великолепно, то цена их постепенно возвышалась и теперь они очень дороги.

Иногда печатают книгу только для раздачи нескольким лицам, в определенном, нумерованном числе экземпляров. Наконец, есть книги, печатанные в одном экземпляре, и таким образом они могут быть большею редкостью, чем иная рукопись, существующая иногда во многих списках. Покойный А.В.Висковатов, известный военный писатель, говорил мне, что некоторые его сочинения по военной истории печатались в самом ограниченном числе экземпляров, по назначению императора Николая Павловича и даже не находились в библиотеке Висковатова. Для правительственных лиц печатаются иногда в весьма ограниченном числе некоторые официальные записки, дела и проч. Так напечатаны были в небольшом числе исследования Надеждина и доклад В.Даля о скопцах, постановления по расколу, письма Самарина о Риге, несколько книг о цензуре и т.п., частью указанных в прилагаемом списке. В 1868 году

* Прежде полагали, что первая книга, напечатанная при Петре Великом новым гражданским шрифтом, был письмовник под заглавием: Приклады како пишутся комплементы, пер. с нем. М., 1708. Но по указанию г. Бычкова в Отчете Имп. Публ<ичной> Библиотеки, 1854, стр. 18, Геометрия вышла месяцем раньше Прикладов.

** См. в Записках Одесского общества ист<ории> и др<евностей> статью Мурзакевича "Начало книгопечатания в Новороссийском крае".

*** Он издал: "The bibliomania". London, 1809, 8° — (Библиомания. Лондон. — англ.).

напечатана в небольшом количестве брошюра: Для немногих. Пять месяцев на Вольни. Острожская летопись 1867. Спб., 8°, где пожелавший остаться неизвестным автор рассказывает действия благотворительного братства. К юбилею бывшего г. директора Императорской Публичной библиотеки графа М.А.Корфа от библиотеки была ему поднесена книга, с поздравлениями на разных языках, отпечатанная в двух экземплярах. Граф А.Ростопчин напечатал в Брюсселе мало кому известное издание сочинений и переписку своего отца, известного писателя графа Ростопчина, в количестве, кажется, 10 или 25 экземпляров и также в весьма малом количестве издал, или, вернее роздал, каталог своей библиотеки под заглавием *Gensiskhana* (Bruxelles, 1862). К этим указаниям на книги, печатанные русскими на иностранных языках, в небольшом числе экземпляров и не для продажи, можно бы прибавить еще многие; но, предполагая составить им особый список, оставляем это покуда. Некоторые из таких книг вовсе неизвестны европейским библиографам и нигде не указаны.

Книги, не поступавшие в книжную торговлю и печатанные авторами для раздачи друзьям, знакомым, в известные библиотеки и т.п., могут приобретаться только случаем или на аукционах. Не приводя многочисленных примеров из иностранных литератур, мы назовем здесь только графа И.Потоцкого, Сестренцевича-Богуша, бывшего митрополита римско-католических церквей в России, графа С.С.Уварова, графа Де-Бре, Оленина и из новейших русских литераторов князя М.А.Оболенского, А.Д.Черткова, графа А.Ростопчина и К.М.Бороздина, издавшего родословия некоторых русских дворянских родов. Все они не обращали своих сочинений в продажу, и некоторые из них печатались в весьма ограниченном числе экземпляров. Жуковский издал в 1818 году свои стихотворения: "Для немногих" (*Für wenige*), и эти книжки не внесены даже в каталоги.

Мне случилось видеть еще замечательный экземпляр сочинений Жуковского, принадлежавший покойному С.П.Полуденскому, заведовавшему библиотекой Московского университета. Это 4-й том собрания сочинений Жуковского, печатанного в 1848 году в Карлсруэ. Он тиснут в 8 д<олю> л<иста>, с широкими полями и больше и красивее последнего издания, прекрасным шрифтом, на тонкой, светло-синей бумаге. Заглавного листа и конца нет и только по пометкам на страницах видно, что это 4-й том. В нем помещено несколько баллад, мелких стихотворений, "Ундина", "Камознс", "Сельское кладбище", "Бородинская годовщина", "Молитвой нашей" и поэма "Наль и Дамаянги", прерванная на 408 стр. Г. Полуденский получил эту библиографическую редкость от самого поэта, в июле 1848 года, в Эмсе, еще в листах, только что полученных из типографии, где весь завод этого прекрасного издания сгорел по напечатании. У Жуковского были тогда еще два такие же экземпляра и тоже на цветной бумаге. Стало быть, это издание тоже у немногих.

Наряду с этими книгами стоят те, которые с течением времени сделались редкими, вследствие большого требования на них, при невозможности их воспроизведения. Таковы первоначальные издания (*editio princeps*) классиков греческих и латинских, преимущественно вышедшие в 16 столетии и со старинных рукописей. Знаменитые типографы

16 и 17 столетия были большею частью ученые люди и так верно и отчетливо передавали текст древних писателей, что издания их могут часто заменять древние рукописи при чтении, для филологической критики, для сличения и для новых изданий классиков. Иногда, впрочем, первые издания древних писателей не так хороши, как последующие, но они всегда ценны в глазах пристрастного библиофила и потому вообще редки.

Далее редки книги, существующие в ограниченном количестве потому, что все или большая часть издания была истреблена, сожжена* и т.п. Так, например, книга "Musei Imperialis Petropolitani, Vol I et II. Petrop., 1742, 8°"¹, каталог предметов академического собрания, очень редка, потому что все почти издание сгорело в пожар, случившийся в здании Академии в 1747 году. Один первый том этой книги был продан на одном из аукционов Публичной библиотеки за 7 р. сер<ебром>. Такой же участи подверглась любопытная книга о Петербурге (St. Petersburg am Ende seines Jahrhunderterts, von Reimers, 2 th. St. Petersburg. 1805, 8°)² и Бекетовское издание "Душеньки" Богдановича. Все издания кратковременного царствования и <мператора> Иоанна Антоновича, книги и указы очень редки, потому что были уничтожаемы в последующее царствование и <мператрицы> Елисаветы Петровны. До 16 актов и брошюр этой эпохи поступили в 1863 году в Императорскую Публичную библиотеку в Петербурге (см. отчет за 1863 г., стр. 35 и след.). Потому же редка ода Ломоносова, посвященная Иоанну Антоновичу, и ему же посвященный перевод Волчкова: Балтазара Грациана, Придворный человек, 1740 года.

К числу исчезнувших книг следует также отнести книги, уничтоженные по цензурным или административным распоряжениям, отобранные из книжных лавок или истребленные. Таковы некоторые мистические книги, осужденные как неправославные во время суда над Новиковым**, и таковые же, печатанные в 20-х годах, во время министерства князя А.Н.Голицына, и изъятые из обращения при вступлении в министерство народного просвещения Шишкова. В Исторических сведениях о цензуре (Спб., 1862) упомянуто несколько сочинений, которые были конфискованы. Некоторые из них, вероятно, не находимы нигде, и только названия их остались в делах цензурных архивов. Некоторые запрещенные или истребленные книги не упомянуты даже в "Алфавитном каталоге книгам на русском языке, запрещенным к обращению и перепечатанию в России" (Спб., 1870, 8°, 20 стр.) Большую часть этого списка составляют книги, печатанные за границею, но есть некоторые печатанные в России книги. Так как неизвестно, в каком количестве экземпляров они напечатаны, долго ли были в обращении, наконец, которые из них были истреблены, которые только отобраны, то трудно сказать, должно ли их

* См.: Peignot "Dictionnaire des ouvrages qui ont été brulés, supprimés ets. 2V. Paris, 1806, 8°. (Пеньо. Словарь изданий, которые были сожжены, уничтожены и т.п. 2 тома. Париж, 1806, 8°. — *фр.*)

¹ Петербургский императорский музей. Т. I и II. Петербург, 1742, 8°. (*лат.*)

² Санктпетербург в конце своего первого столетия, Раймерса, 2 тома. Спб., 1805, 8°. (*нем.*)

** Они указаны в книге М.Н.Лонгинова о Новикове, а потому в моем списке не помещены.

непрерывно считать редкими потому только, что они запрещены? Однако предполагая, что некоторые из них запрещены вскоре по выходе их и могли быть даже уничтожены и частью не указаны в известных каталогах, а потому редки, я прилагаю здесь заглавия их из упомянутого Алфавитного каталога, не внося их в мой список (См. Приложение).

Иногда авторы, по случаю плохого сбыта своих произведений, сами истребляли их, и сохранившиеся экземпляры стали редкими. Это случилось, например, с книжкой: Ганц Кюхельгартен, идиллия в картинах, В.Алова (Н.Гоголя), 1827, 8°, которую автор сжег прежде распродажи ее, после невыгодного отзыва об этом стихотворении в "Московском Телеграфе" (См. Отечественные Записки, 1852, № 4, в статье: "Несколько черт для биографии Н.В.Гоголя").

Наконец, могут быть редкими только некоторые экземпляры распространенной книги или экземпляры и без того уже редких книг, но отличающиеся какими-либо особенностями, что возвышает, разумеется в глазах любителя, ценность книги. Сюда относятся экземпляры, печатанные с особенною роскошью, на пергаменте, шелку, цветной бумаге, особенным шрифтом, с гравюрами первых оттисков, с особенными приложениями. Уважаются издания с широкими полями, на большой бумаге (*sur grand papier*). У нас, например, некоторые экземпляры сочинений Озерова (2 ч., 5-е изд., Спб., 1828, в типографии М.Глазунова и его иждивением) печатаны на веленовой бумаге, с широкими полями и продавались по 50 р., тогда как простое издание стоило 15 р. ассигнациями.

Сюда же принадлежат целые и хорошо сохранившиеся экземпляры книг, которые были изменены, или уменьшены несколькими страницами, или вышли под другим заглавием. В пример приведем известный "Опыт Российской библиографии" Сопикова, где в 4 части страница 250-я обыкновенно пустая. Но есть экземпляры без этого пробела, и они редки. Есть "Апостол", печатанный при Лжедмитрии в 1606 году: выходные листы этого издания в царствование Михаила Федоровича были истребляемы, и полные экземпляры очень редки.

До сих пор мы говорили о книгах действительно и безусловно редких; их можно считать такими всегда и везде, хотя в одном месте они легче добываются, чем в другом. Но часто редкость книги бывает относительная и происходит от разных причин, совершенно случайных и временных. Иногда при недостаточных данных даже трудно бывает определить, действительно ли редка книга или только слывет редкою? Это особенно относится к русским библиографам, которым нужно руководствоваться и собственным опытом и познаниями, по скудости наших каталогов и неопределенности сведений, доставляемых книгопродавцами. Поэтому нам кажутся слишком дробными определения, сделанные П.Строевым в его "Каталоге старопечатных книг графа Толстого", где он различает книги редкие, очень редкие, весьма редкие. На каком основании определять книги по этим степеням?

Надобно сказать, что есть сочинения, которых редкость мнимая, прославляемая только по произволу какого-нибудь составителя каталога или по пристрастию слишком ревностного любителя и, наконец, по расчетам книгопродавца. Наконец, бывают подделки книг, и очень искусные,

но, к счастью библиофилов, они редки, потому что трудны. Особенно у нас некому и незачем еще копировать и подделывать библиографические редкости.

Редки относительно сочинения многотомные, большие и ценные. Такие сочинения обыкновенно распределяются по большим библиотекам, и затем их остается немного в обращении. Особенно трудно добывать сборники и обширные издания, вышедшие отдельными частями, печатанными в разных местах и в разное время. Мало частных библиотек, где найдутся *Acta Sanctorum*¹, вышедшие с 1643 года в Антверпене и составляющие 52 большие тома, с многими дополнениями разных авторов, называемых обыкновенно болландистами (от иезуита Болланди, предпринявшего это издание), или *Vry et Merian, Collectiones peregrinationum in Indian*², 60 томов в 24 книгах, в лист, изданные во Франкфурте, в 1590–1634 годах*, или знаменитое описание Египта, составленное при Наполеоне, и т.п. Мы ценим сборники в роде *Sammlung Russische Geschichte*³ Миллера, Бишинга Магазин, Рос<сийскую> Вивлиофику, Туманского: Записки о Петре Великом и некоторые другие. Сорок три тома Российского Феатра можно купить в Академии, но без 39-го тома, — где трагедия *Вадим*, — который был истреблен и который редко и увидеть удастся. Дороги и иногда с трудом добываются значительные архитектурные сочинения, описания музеев и галерей, роскошные издания с картинами по части естественных наук, палеографии, археологии, путешествий, словари и энциклопедии. Если такие издания остаются любопытными и важными в литературном или научном отношении и не заменяются новыми, более полными и удовлетворительными, то со временем они все становятся ценнее и реже. К такого рода книгам принадлежат, например, Древности Российского Государства, которые со временем, когда все печатные экземпляры разойдутся по рукам, вероятно, возвысятся в цене. Ценность таких дорогих изданий обуславливается еще и тем обстоятельством, что они почти никогда не перепечатываются.

Иногда, однако ж, вследствие особенных обстоятельств, большие и дорогие издания упадают в цене, независимо даже от редкости их. Например, пресловутая энциклопедия Дидерота, наделавшая столько шума, прежде ценилась дорого и составляла необходимую принадлежность каждой сколько-нибудь значительной библиотеки. Теперь же можно иметь ее за границей рублей за 20 сер<ебром> и даже дешевле. Успехи в науках и искусствах умаляют значение некоторых сочинений, прежде весьма уважаемых и заслуживавших великолепного издания. Так, у нас Деяния Петра Великого, собранные Голиковым и которые К.Полевой нашел полезными печатать, теперь находят менее читателей, чем прежде, вследствие развития исторической критики и появления трудов об этой эпохе Устрялова, Соловьева и других исследователей.

¹ Священные акты (*лат.*).

² Бри и Мериан. Коллекция путешествий в Индию (*лат.*).

* Отлично-полный экземпляр этого собрания в московской библиотеке покойного С.А.Соболевского, который ревностно собирал описания путешествий. Библиографические сведения об этом сборнике он сообщил Брюнету, который поместил его в приложении к 1-му тому последнего издания своего.

³ Сборник русских сказок (*нем.*).

Из-под типографских станков выходит множество произведений временных и скоропреходящих, при самом рождении своем обреченных на забвение и истребление. Таковы разные каталоги, списки, случайные стихотворения, объявления, афиши, газеты, мелкие брошюры и т.п. Случается, что они, пощаженные временем, сохраняются долго и тогда попадают в число редкостей и тщательно собираются любителями. Есть множество брошюр, теперь редких, обязанных своим существованием известному случаю, или историческому событию, или лицу, но быстро исчезнувших из области книжной торговли. Вот почему иные охотники до старины, особенно общества библиофилов, которых несколько в Европе, перепечатывают иные из таких книг, особенно если они важны для истории. Но истые библиоманы негодуют на такие перепечатки и из уважения к старине предпочитают старые издания. Скоропреходящие, быстро расходящиеся книги нередко скоро превращаются в библиографические редкости и направляются на вторичные и иногда многократные перепечатки. Такие книги, как Приключения милорда Георга, разные сказки, песенники, календари, хотя печатаются иногда в значительном количестве экземпляров, но быстро расходятся по рукам и исчезают, так сказать, зачитываются, — и иногда остаются только в летописях книговедения по заглавиям, упомянутым в каком-нибудь каталоге или объявлении. Немало, конечно, такого рода книг, нигде не значащихся и совершенно "пропавших без вести" К легко истребляемым произведениям печати принадлежат и некоторые периодические издания, особенно выходившие листками и тетрадями*, и мелкие произведения, которые иногда любопытно бы отыскать, — но где? Так, например, где найти указанные у Сопикова между ежемесячными изданиями: Журнал гитарный на 1810 год, В.Алферова (№ 3790), Журнал для фортепиано на 1811 год, изд. Ф.Нерлиха (№ 3897), Журнал отечественной музыки Д.Кашина, М., 1806 (№ 3800), Журнал карикатур на 1808 год. Спб., 4° (№ 3893). — Московские и Петербургские Ведомости времен Петра Великого до сих пор еще неизвестны в полном составе их издания. Есть также книжные произведения совершенно местные, любопытные и нужные только там, где они изданы и где и расходятся, и поэтому они нелегко добываются в других местах, где, стало быть, редки. Книга, изданная в Рио-де-Жанейро, в Пекине, в Калькутте, даже ближе, в Константинополе, или в Мадриде, может выйти в значительном числе оттисков, но быть редкостью в Петербурге. Даже смело можно причислить сюда из русских

* Так, например, в моей библиотеке находится первая тетрадь неоконченного издания: Живописная Россия, или Историко-статистическая Панорама Государств Российской, составленная при содействии некоторых отечественных литераторов В.Филимоновым. Тетрадь I. Новгород, №1. Спб., Издание книгопродавца А.И.Моргенрота, 1837, 4°, в тип. Гинца, 14 стр. текст, грав. обертки и план. Но нигде не мог я увидеть продолжения этого сборника, вероятно неудавшегося, а потому и редкого; однако вышло несколько тетрадей, кажется три. Программа этого издания в Сыне Отечества, том 158 (1837), с. 78—82. Также я не мог до сих пор отыскать полный экземпляр выходившего тетрадями в лист "Театрального альбома", изд. А.Ч. (Черноглазовым), Спб., 1842, с литогр. портретами артистов петербургских театров и нотами. Экземпляры Имп. Публичной библиотеки и Московского Университета не полны, а в продаже они мне не попадались.

книг сочинения, изданные в Иркутске, Калуге, Вологде и т.п., особенно за несколько лет тому назад, когда деятельность нашей книжной торговли была еще слабее, чем теперь.

К числу условно-редких книг библиографы относят также издания ученых обществ и академий, особенно если они выходят в ограниченном числе, и только раздаются членам, и рассылаются другим обществам; далее каталоги частных библиотек, описания частных музеев, галерей, домов, наконец, книги, печатанные в типографиях частных людей*.

Прежде собиратели библиотек добивались, чтобы собрания их имели по возможности энциклопедический характер и старались иметь все лучшее по всем частям литературы, наук и искусств. Они радовались, когда каталог их представлял лучшие образцы в каждом отделе библиографической системы, по которой каталог расположен. По такому плану были, например, составлены библиотеки графа Бутурлина и графа Разумовского, сгоревшие в Москве в 1812 году**.

Нынешние библиофилы сознают трудность такой задачи, обыкновенно несоизмеримой с средствами частного человека и не соответствующей познаниям и вкусам отдельного лица. Поэтому они больше специалисты и при составлении библиотеки руководятся разными частными и личными целями. Зато теперь размножились библиоманы, ревностно собирающие книги известного рода. Для них иногда главная цель — полнота собрания; эта цель достигается редко, да и то хлопотно и дорого. Удовлетворяя своей охоте, неутомомно преследуя свою цель, любители таким образом придали теперь редкость некоторым книгам, которые прежде нисколько не ценились и были обыкновенны. Во Франции, например, давно господствует страсть к изданиям семейства Эльзевиров, известных голландских типографов 16 и 17 столетий. Они печатали большею частью классические сочинения в маленьком формате, очень четко и красиво. В Англии Эльзевиры не в таком почете, а еще менее уважают их в Германии, где вообще библиомания не так сильно развита. В последнее время стали ужасно гоняться за средневековыми сказаниями и романами, старинными памятниками народного творчества и сатирическими произведениями. Наконец, никогда еще не проявлялось такое пристрастие к хорошим переплетам известных мастеров, как на последних аукционах, особенно парижских.

Приятно библиофилу иметь хорошее тиснение станков эльзевировских, но странна и мелочна ревность людей, питающих особенное уважение к каждой пустой и даже дурно напечатанной книжонке, лишь бы на заглавном листе ее был выставлен знак, иногда поддельный, типографии

* Так, у нас пензенский помещик Струйский завел типографию в своем имении Рузаевке (Инсарского уезда) и отпечатал там по тому времени великолепным образом свои вирши. Залежавшиеся издания их употреблялись впоследствии на обклейку стен его усадьбы, что, конечно, увеличило их редкость. Существуют также книги раскольничьи, печатанные в селе Клинцах, в Почаеве и в других местах.

** Catalogue des livres de la bibl. de S.E.M. le Comte de Boutourlin, revu par Barbier et Ch. Pougens. Paris, 1805. Catalogue des livres de la bibl. de son Ex.M.le Comte de Rasoumoffsky. 2V. M. 1814, (Каталог книг библиотеки г-на графа Бутурлина, составленный Барбе и Ш.Пужан. Париж, 1805 и Каталог книг библиотеки его превосходительства графа Разумовского. 2 тома. М., 1814, 8° — фр.).

одного из Эльзевиров. Это пристрастие привело к тому, что прежде собрание маленьких эльзевировских книжек составляло около 80 томов, теперь их насчитывают, с разными подобными изданиями, до полутора тысяч. Ценность их иногда зависит от того, в каком виде сохранилась книга, не слишком ли обрезана или зачитана. Брюнет приводит для примера Горация 1676 года, которого обыкновенная цена около 40 франков и менее и который был продан в отличном виде на аукционе Дидота — за 200 франков*.

Иногда возникает мода на какой-нибудь род книг, и тогда они вдруг делаются реже и продаются дороже. Иные ищут странных и забавных книг, большею частью редких, которые французы называют *facéties*¹ и которые так любил страстный библиофил и известный писатель Нодье. Иные питают особенное пристрастие к книгам со странными заглавиями, к книгам, которые переплетены знаменитыми переплетчиками или принадлежали знаменитым лицам.

Между многими изданиями книги, сходными по составу, иногда предпочитают те, которые более красивы, четки, с широкими полями, а иногда те, которые отличаются какими-нибудь особенностями, несколько не существенными. Есть издания, отмеченные в летописях библиографии по случаю какой-нибудь опечатки! В самом деле, опечатка может быть забавна, странна, и если книга по причине этой опечатки была уничтожена или отобрана, то, разумеется, она делается редкостью, и тогда найдется не один охотник купить ее. Опечатка может иногда служить признаком редкости и указывать на достоинство издания. Это обстоятельство подало повод к следующей эпиграмме:

C'est elle... Dieu! que je suis aise!
Oui... c'est... la bonne édition;
Voilà bien, page neuf et seize,
Les deux fautes d'impression,
Qui ne sont pas dans la mauvaise.
Pons de Verdum ².

Есть собрания весьма богатые по некоторым отделам библиографии. Так, Мак-Карти во Франции собрал до 500 изданий на пергаменте, и это чрезвычайно много для частного человека. На пергаменте хорошо печатать довольно трудно, самый материал очень дорог, и таких книг выходит очень немного. В Императорской Публичной библиотеке есть, между прочим, целая коллекция французских классиков, напечатанных на пергаменте, в маленьком формате, славным Дидотом "à l'usage du Dauphin"³. Солейнн, во Франции же, собрал драматические пьесы, начиная с самых старинных, до самых новых, и появившиеся в разных странах**.

* Существует несколько описей эльзевировских изданий; подробнейшие издали Pieters (1858), Minzloff (1862), по описи, составленной графом Ростопчиным и Walther (St. Petersburg, 1864), по собранию Имп. Публичной библиотеки.

¹ Шутки (*фр.*).

² "Это она! Боже!.. Как я рад! / Да... это... хорошее издание; / Вот страницы девять и шестнадцать, / Две типографские опечатки, / Которых нет в плохом". Понс де Вердена (*фр.*).

³ Предназначенный для дофина (*фр.*).

** См.: *Bibliothèque dramatique de Soleinne. Catalogue rédigé par P.L. (Lacroix). Jacob, Bibliophile. Paris, 1845* (Драматическая библиотека Солейнна. Каталог, составленный П.Лакруа. Жакоб, библиофил. Париж, 1845. — *фр.*).

В России есть несколько замечательных специальных библиотек, каковы библиотеки некоторых ученых и учебных заведений, например Пулковской обсерватории, Ботанического сада, Генерального штаба. Особенного внимания заслуживает богатое и единственное по полноте и по тщанию, с которым оно было составлено, собрание иноязычных (нерусских) сочинений о России в Императорской Публичной библиотеке, в котором до 30 000 томов, между коими множество редчайших книг. Оно составлено по мысли и старанием бывшего директора графа М.А.Корфа, в память о коем зала, где это собрание помещается, названо залом графа Корфа. Чертковская библиотека в Москве, ныне открытая для публики, также составлялась покойным владельцем ее А.Д.Чертковым с целью собрать всевозможные источники для изучения нашего отечества*.

Есть библиотеки, почти исключительно состоящие из редких книг. В Москве существовало собрание А.С.Власова, распроданное с публичного торга**, где было много редких книг, значительных по цене, красоте и объему, и особенно богат был отдел изданий роскошных, относящихся к искусствам. Такова же замечательная библиотека, богатая ценными и редчайшими изданиями, собранная князем Михаилом Александровичем Голицыным (ум. в 1860 г.) и составляющая часть открытого в 1865 году Голицынского музея в Москве***. Из собирателей старинных и редких русских книг, которых охота и искания сохранили нам наши книжные сокровища, назовем Каратаева, Кастерина, Лонгинова, Лукашевича, Норова, Погодина, Полторацкого, которому досталась библиотека П.К.Хлебникова, им увеличенная, Сахарова, графа Толстого, Трехлетова, графа А.С.Уварова, Ундольского, Царского, Черткова, Ширяева. Большая часть из этих собраний сделалась достоянием наших публичных библиотек.

У нас и теперь немало библиофилов, у которых на полках найдутся книги малоизвестные, или неизвестные по нашим росписям и о которых следовало бы сообщить сведения. Но они вообще как-то скупы и не сообщительны или не придают никакого значения русским книгам. Как на исключение в этом отношении можно указать на М.Н.Лонгинова, напечатавшего немало известий о замечательных русских книгах из своего любопытного собрания, и на г. Березина-Ширяева, описавшего частную библиотеку. Правда и то, что у нас нет органа для таких сообщений и

*Каталоги этих библиотек указывают нам очень много малоизвестных и редких книг, доставляя вместе с тем богатый источник справок и сведений. Императорская Публичная библиотека уже издала в виде опыта литографически опись залы барона Корфа и издает его в более полном виде. Каталог Чертковской библиотеки также был издан, и новое, значительно пополненное его издание начато печатанием и выходит при "Русском архиве". Эти каталоги будут ценными подарками для занимающихся русской историей.

** Catalogue des livres rares et précieux de la bibliothèque de Pr. M. de Wlassoff, 2-me éd. M., 1821, также Catalogue des tableaux, estampes, livres etc faisant partie du cabinet de feu de Chambellan de Wlassoff... 1826. (Каталог редких и ценных книг из библиотеки г-на Власова. 2-е изд. М., 1821 и также Каталог гравюр, эстампов, книг и т.п. из кабинета покойного камергера Власова, 1826. — *фр.*)

*** См.: Catalogue des livres de la bibliothèque du Pr. M. Galitzin... par Ch. Gunzbourg, M., 1866 (Каталог книг из библиотеки кн. М.Голицына. Сост. Ш.Гунцбург-гом. М., 1866. — *фр.*)

известий. Опыт московских "Библиографических записок", издававшихся три года, остался одиноким, и мы даже не имеем летописи текущей литературы после прекращения "Книжного вестника". Очень жаль, что редакция "Правительственного вестника", печатая известия о выходящих новых книгах, не издает этих списков отдельными книжками. Во всех европейских странах ведется летопись книжной производительности, только мы, русские, не находим в том нужды.

Немало любопытных указаний на русские книги, в разных отношениях замечательные, находим в Отчетах Императорской Публичной библиотеки. Мы ими воспользовались для нашего списка.

Цена редких книг чрезвычайно неопределенна, хотя для некоторых есть постоянные и известные цены, а некоторые можно оценить приблизительно. За границей цены старых книг устанавливаются на аукционах; кроме того, множество выходящих антикварных каталогов книгопродавцев, занимающихся торговлею старыми книгами, дают сведения о ценах книг, вышедших из книжной торговли. Но у нас мало торговцев, опытных в книжном деле и посвятивших свою деятельность старым книгам, а книжные аукционы редки; если же и бывают, то цены не объявляются, и так как каталоги Сопикова и Смирдина в этом отношении недостаточны и устарели, то у нас цены на редкие книги более, нежели где-либо, произвольны. Для европейских литератур есть особые каталоги, каковы, например, труды Эберта, Грессе и Брюнета, где подробно обозначены редкие издания и приведены цены, за какие они проданы на некоторых знаменитых аукционах. <...>

При аукционной продаже дублетов Императорской Публичной библиотеки за некоторые книги заплачено было очень дорого. На этих аукционах можно было видеть, как иногда странное заглавие, какая-нибудь внешняя особенность могут возбудить сочувствие охотников до редких книг. Не говорим уже о посторонних причинах, обуславливающих вообще ценность вещей, продаваемых с молотка. Так, Bray, *Essai critique sur l'histoire de la Livonie*, Doprát, 1817¹, книга, не бывшая в книжной торговле, была присуждена за 22 р. Историческая латинская брошюрка, неважная по содержанию, но любопытная по заглавию, напечатанному русскими буквами, и редкая: "Стецько Разин Донски козак именик, id est Stephanus Razin Donicus cosacus perduellis, Wittinbergae², 1674, 4⁰, была продана за 12 р. сер<ебром>. За Маржеретово: *Etat présent de la Russie*³, перепечатанное в Париже кн. Гагариным в числе 100 экземпляров со второго издания 1869 года, весьма редкого, заплачено 15 р. Первое издание этой любопытной книги теперь не находимо. <...>

РУССКИЕ БИБЛИОФИЛЫ*

БИБЛИОТЕКИ ГРАФА Д.П.БУТУРЛИНА И ИХ КАТАЛОГИ

Не имея никаких печатных биографических сведений о графе Димитрии Петровиче Бутурлине, сообщаем только то, что известно о его

¹ Брей. Опыт критической истории Ливонии. Допра, 1817 (*фр.*).

² Стефанус Разин, донской казак, Виттенберга (*лат.*).

³ Современное состояние России (*фр.*).

* Следующая статья будет посвящена А.С.Власову и его библиотеке.

книжных собраниях и нескольких описях этих книг. Привести в известность эти каталоги дело не лишнее для русской библиографии, потому что они довольно неизвестны у нас и редки.

Мы знаем, что дом графа в Москве, с оранжереями, библиотекою, музеем и садом, был на Яузе, в Немецкой слободе, рядом с дворцовым садом*. Об этом доме рассказывает один из английских путешественников по России, Кларк**, и собственно о библиотеке говорит вот что: "Библиотека, ботанический сад и музей графа Бутурлина замечательны не только в России, но и в Европе. Этот вельможа собирает редчайшие издания классиков, но некоторых писателей, например Вергилия, имеет в стольких экземплярах, что они составляют целую особую библиотеку. Книги его помещаются в нескольких комнатах. Они переплетаются в его доме, и этим занимаются несколько мастеров, постоянно живущих у него. У него есть все *Editiones principes*. Его собрание колыбельных изданий и печатанных в 15 столетии доходит до 6000 томов. По Орландиеву списку авторов***, изданных между 1457 и 1500 годами число их доходило до 1303. Вероятно, они почти все есть у Бутурлина. Каталог этой части библиотеки занимает две листовые книги. Он достал из Парижа славное сочинение де Бри (*Bry*), собрание путешествий, с прекрасными рисунками. Ему очень трудно было добыть полное собрание церковных летописей, которое состоит из 40 томов в лист. Эта огромная библиотека разделена на 6 отдельных частей".

Далее Кларк говорит о ботаническом саде и физическом кабинете. Оранжерею он нашел единственною в Европе по ее устройству и богатству. На одном конце ее находилась особая ботаническая библиотека. Кларк удивлялся свежести и огромности тропических растений и узнал, что граф сам за ними ходит и в особенности изучил тайну поливки растений.

Первый известный каталог графа есть напечатанный в Петербурге в 1794 году под заглавием: "Catalogue de la bibliothèque de M.le C—te D.Boutourline. Première partie contenant des livres imprimés en langue française, quelques manuscrits etc. A.St.Petersb., 1794, 149 стр., 4°. Этот каталог расположен в азбучном порядке. В конце (со стр. 137) помещены "Notices particulières des quelques collections"¹, заключающие в себе описания нескольких сборников.

Через шесть лет после того, в 1805 году, вышел в Париже другой каталог: "Catalogue des livres de la bibliothèque de S.E.M. le Comte de Boutourline; revu par M.M. Ant. Alex. Barbier, bibliothécaire du conseil

* См. в статье М.Макарова: "Дома московских бояр века Екатерины II" в Моск. Губ. Ведомостях, 1841, № 38.

** *Clarce Travers into various countries of Europa, Asia and Africa. Part the first. Russia etc. London, 1810, 4°, стр. 138 и след.* (Кларк. Путешествия по некоторым странам Европы, Азии и Африки. Часть первая. Россия и т.д. Лондон (англ.). В немецком переводе этой книги Вейланда (Веймар, 1817, стр. 131).

*** *Origine et progressi della Stampa etc. Autore Orlandi. Bonowiae, 1722.*

¹ Каталог библиотеки г. графа Д.Бутурлина. Первая часть, содержащая книги, напечатанные на французском языке, некоторые рукописи и т.п. Спб., 1794, 4, 149 стр. Частные описания некоторых сборников. (*фр.*).

de l'Etat, et Charles Pougens, l'Institut de France etc., suivi d'un table des auteurs. Paris, imp. de Ch. Pougens, an XIII (1805), in. 8, VI, 758 p.¹

Имена Barbier и Pougens — известные между французскими книговедами, и каталог составлен отчетливо и считается в числе примерных. В нем показано 4003 книги и 24 рукописи. Затем следуют описание расположения каталога и азбучные списки писателей и безыменных сочинений. Главные по числу книг отделы — словесность и история.

Вот что говорит владелец библиотеки в предисловии своем к каталогу: "Издавая в свет роспись моим книгам, я намерен был дать самому себе отчет в собственном наслаждении. Вышедши из детского возраста, я находил удовольствие в науках, и учение всегда для меня было не только отдохновением, но истинною необходимостью. Это одно из важнейших побуждений, за которые благодарю Провидение. В возрасте страстей и заблуждений я постоянно находил спокойствие и истину в беседе с моими книгами. Они тогда заменяли мне верных друзей, наставников и руководителей. Теперь, в возрасте зрелом от лет и опытности, они также служат мне наставлением и отдохновением; освещая предо мною прошедшее, лучше знакомят меня с настоящим и указывают на некоторые вероятности будущего. От них также ожидаю советов, подпоры и утешения в летах, в которых живет человек одними воспоминаниями. Эти причины, думаю, довольно оправдывают мою нежную, сердечную и всегдашнюю любовь к ним. Вероятно, кроме пользы и признательности, внушивших мне страсть к моим книгам, есть еще другое побуждение, которого действие я чувствую, не углубляясь никогда в основание, или корень, его. Это собрание мною составлено от первой и до последней книги; а свое дело всякому приятно. Сверх того, напечатание моего каталога будет мне еще полезно, когда я, разлучась с моими книгами и отдалясь от моего отечества, стану вспоминать счастливые, проведенные с ними дни. Он послужит мне для будущих приобретений, потому что я не думаю отказаться от этого наслаждения и только надеюсь быть еще внимательнее в выборе изданий и самых оттисков; при всяком благоприятном случае, как спокойный хозяин, постараюсь увеличивать и украшать свое добро. Великолепные произведения Дидота, Бодония, Ренуара и пр. никогда не найдут меня равнодушным к их красотам, равно как и превосходные оттиски самых старинных изданий, которыми я могу обогатить мое собрание, всегда доставят мне удовольствие. Около 20 лет занимаясь библиографиею, я собрал много замечаний по этой части. Сколько раз я удостоверился, при поверке издания, что иной библиограф объявлял о нем в пышных выражениях, не видав его, а только понаслышке, и столько раз видел и опасность такой доверчивости к чужим рассказам. Касательно точности в этом деле немцы превосходят других. Шельнгорн, Мурр, Денис, Панцер, не довольно, кажется, известные во Франции, заслуживают особенного уважения любителей этой науки. Вообще со времени издания каталогов Габр<изля> Мартена

¹ Каталог книг библиотеки его превосходительства графа Бутурлина, составленный гг. Ант. Алекс. Барбье, библиотекарем государственного Совета и Шарлем Пужаном, членом Французского Института и т.д., сопровождаемый указателем авторов. Париж, издательство Ш.Пужана, год XIII (1805), в 8°, VI и 758 стр. (фр.).

и книг Дебюра библиография мало произвела замечательных сочинений. Абб<ат> Рив, кажется, весьма далек от исполнения своего обещания. Труды покойного Мерсье де Сен Леже (Mercier de St. Leger) еще не изда ны; а между тем желательно было бы видеть их изданными, судя по той пользе, которую они принесли А.Ренуару в его хорошем сочинении об Альдовых изданиях, сделавшем, по моему мнению, эпоху в библиографии. Желательно, чтобы этот почтенный писатель продолжал обогащать нас плодами труда своего. В моем каталоге найдутся некоторые издания 15 века. Они записаны на своих местах и там остались, но я гораздо богаче по этой части: у меня находится более 300 статей, из коих некоторые весьма ценны, например *Speculum humanae salvationis*, *Biblia pauperum*¹ и пр. Я им сделал особую роспись, с замечаниями, и надеюсь ее издать. Я также имею некоторые рукописи на пергамене. Со временем все это выйдет в свет. Но ничего не домогаясь, не беру на себя никакой ответственности. Смутам на юге—севере обязан стяжением многих редкостей по всем отраслям наук; без того эти сокровища остались бы на месте, не достигли бы до нас. Нескольки их погибло в дальнем пути, многие же, почитаемые погибшими, может быть, снова появятся далеко от своего отечества. Все в природе подвержено таким переменам, и книга имеет свою судьбу: „Habent sua fata libelli”».

Библиотека Бутурлина была составлена во вкусе библиофилов прошлого века, с целью иметь собрание разнообразно энциклопедическое и лучшие книги по всем отраслям знаний, в хороших изданиях. Многосторонность и полнота в выборе сочинений и изданий выказывает нам в графе и знатока и щедрого собирателя. Любопытно было бы знать, сколько лет составлялась эта библиотека и чего она стоила? Разумеется, революция во Франции немало способствовала графу в соби рании его сокровищ.

Хотя на исторические книги и сочинения классические было обращено особенно внимание графа, но из подробных делений каталога и по большому числу разделов его видно, что ни одна наука не забыта, что граф знал вполне ученую литературу и следовал строгой системе при покупке книг. Часто замечаем роскошь богатой библиотеки: некоторые сочинения, особенно классические, находились в нескольких изданиях, были и дублиеты. Часто описатели делают замечания о редких книгах, неизвестных библиографам, или ссылаются на каталог редких книг Дебюра. С самого начала списка, в первом отделе богословия, показано 38 библий, потом несколько изданий Нового завета и изображений к Священному писанию. В отделе искусств много роскошных изданий, которые, вероятно, приобретены дорогою ценою. В отделе словесности найдутся все писатели сколько-нибудь известные. Русских книг не показано, и в истории России только 33 нумера. Но зато это отборные источники на иностранных языках. Кроме этих сведений, мы имеем следующее небольшое известие немецкого путешественника Рейнбека, обратившего внимание на эту библиотеку в 1805 году, как на достопримечательность Москвы.

¹ Библия бедных (лат.).

”Драгоценна значительная библиотека графа Бутурлина, вельможи сорока пяти лет, образовавшего себя путешествиями. Библиотека эта состоит из 25 000 томов, в прекрасном помещении, близ Летнего сада, и, несмотря на огромность зал, зимою постоянно отоплена. Довольно легко получить дозволение пользоваться ею. Здесь книги собраны не только для тщеславия; хозяин сам пользуется ими и предоставляет их другим. Заведывает библиотекою г. Ронка и получает за это значительное жалование. Здесь очень много книг 15 и 16 столетий, великолепные издания Дидота, Баскервиля и Бодони и, кроме того, редчайшее и дорогое собрание библий — собрание, которое я не умею оценить. Так как в этой библиотеке множество дублетов, то хозяин, который много издерживает и не умеет отказывать себе в приобретении редких и ценных сочинений, определил пустить их в продажу, однако до сих пор еще не приступал к этому”*

И эта богатая библиотека сгорела в 1812 году!

В дополнение к сказанному сообщим известие еще об одном каталоге книг графа Бутурлина, чрезвычайно редком и оставшемся неизвестным библиографам** до описания его Петцольтом (Julius Petzholt) в библиографическом сборнике Науманна ”Serapeum” за 1841 год, в статье ”Die frühere Bibliothek des Grafen D. Buturlin in Moscau”¹. Здесь говорится, что в общественной библиотеке в Дрездене есть печатный каталог под заглавием: ”Catalogue des éditions du XV siècle faisant partie de la Bibliothèque de M.le Comte Boutourline”², 467 страниц в 4-ку. Он без заглавного листа, без окончания времени и места печати и без предисловия. В каталоге показано 379 названий книг старопечатных. В конце этого, может быть, единственного экземпляра находится приписка на французском языке следующего содержания: ”Этот каталог, напечатанный в Лейпциге у... в 1805 или 1806 году, содержит в себе опись изданий 15 века библиотеки графа Бутурлина, действительного <ст<атского> советника и камергера. Ученый свет, разумеется, с сожалением узнает, что эта библиотека, состоявшая из 30 000 томов отборных книг и оправдывавшая известность графа Бутурлина как любителя словесности, наук и искусств и в особенности как сведущего библиографа, погибла вся, в московский пожар, во время вторжения французов в Россию. С нею погибли источники, собранные для исправления настоящего каталога и издания более отчетливого описания книг, украшавших эту библиотеку. Этот каталог без заглавия, без обозначения имени владельца библиотеки и исполнен ошибок, которые странно видеть при очевидной начитанности, выказываемой редактором его во многих местах. Эту странность я сейчас объясню. Он составлен одним писателем; уроженцем

* См.: Fluchtige Bemercungen auf einer Reise von St. Petersburg über Mockwa, Grodno, Warchau, Breslau, nach Deutschland im 1805. In Briefen von G. Reinbeck. 1ч. Leipzig, 1806, стр. 247. (Беглые заметки о путешествии в Петербург через Москву, Гродно, Варшаву, Бреславль в Германию. 1805. В письмах г. Рейбека. 1 ч. Лейпциг, 1806, стр. 247. — нем.).

** Этот каталог упомянут, как редкость, в Ebert’s All. Bibliographisches Lexicon (во Всеобщем библиографическом словаре Эберта. — нем.).

¹ Бывшая библиотека графа Бутурлина в Москве (нем.).

² Каталог изданий XV века, составляющий часть библиотеки графа Бутурлина (фр.).

Люцерна (в Швейцарии), г. Louis de Rouen¹, который в продолжение нескольких лет заведывал библиотекою графа. Он изготавил для составления описи материалы, которые, будучи напечатаны на листах, могли затеряться, и потому он переплел их. Граф Бутурлин, расставшись с ним и желая сделать свою библиотеку доступною для публики и дать ей указатель своих книг, решился напечатать труд г. Руана. Не пересмотрев рукопись, которую считал верною копию, он поручил напечатать ее одному лейпцигскому типографу, который исполнил это поручение в такой точности, что даже напечатал все описки, все ненужные повторения и не выставил заглавия, потому что не нашел его в черновых листах, ему врученных. Граф решился не издавать этот неудачный каталог, и все экземпляры, ему доставленные, остались и погибли у него, так что если сохранилось несколько их в библиотеках и частных руках, то они розданы были из типографии без ведома графа».

Под этою припискою находится подпись: "Dresde, 1 Décembre 1813 — Gillet, Capit. au service de S.M. Emp. de Russie"².

После потери своего московского собрания граф Бутурлин, как ревностный собиратель, не переставал приобретать книги, так что по смерти его осталась значительная библиотека, замечательная не столько числом, сколько редкостью избранных и дорого купленных изданий. Библиотека эта была продана с публичного торга во Флоренции в 1831 году, и по этому случаю появился еще следующий каталог: Catalogue de la Bibliothèque de son Excellence M.de Comte Boutourline, Florence, 1831 (8°)³.

На заглавном листе гравированный герб. В предисловии, подписанном буквами С.Л.І.С.А. (Audin)⁴, сказано, что это список книг, собранных после сожжения библиотеки графа в Москве в 1812 году, и что он напечатан по распоряжению сыновей графа.

Об этом каталоге есть библиографическое известие во флорентийском журнале "Antologia", 1831, № 2, стр. 149. Здесь между прочим сказано, что этой книги отпечатано только 200 экземпляров, что она не поступала в продажу и составлена Оденем отчасти по запискам, оставленным самим владельцем библиотеки, графом Бутурлиным.

В том же журнале "Antologia" за сентябрь 1831 года, на стр. 133 помещена статья под заглавием "Vendita della Biblioteca Boutourlin"⁵, с подписью "Т.Тонелли". Здесь выражено сожаление, что распродается и расходится по рукам такое богатое собрание, где было так много первопечатных книг и особенно альдинских изданий. Говоря о внешнем виде книг и красоте экземпляров, автор статьи замечает, что граф чрезвычайно любил свои книги, холил их и что его часто заставляли в кабинете, занятым чисткою и отделкою какого-нибудь старого экземпляра библиографической диковинки. Наконец, из статьи Вейгеля в библиогра-

¹ Луи де Руан (*фр.*).

² Дрезден, 1 декабря 1813. Жилле, капитан на службе «*го*» в «*еличества*» имп~~ератора~~ России (*фр.*).

³ Каталог библиотеки его превосходительства графа Бутурлина. Флоренция, 1831 (8°) (*фр.*).

⁴ Оден (*фр.*).

⁵ Продажа библиотеки Бутурлина. Т.Тонелли (*ит.*).

фическом журнале Наумана "Serapeum" (1840) мы узнаем, что в Париже в 1839 году (с 25 ноября по 30 декабря) было продано с публичного торга богатейшее собрание рукописей и книг графа Бутурлина и тогда же напечатан каталог, разделенный на три части. Этот каталог я до сих пор не мог достать, Вейгель говорит, что вторая и третья части должны были выйти после, и, стало быть, в 1840 году еще не были напечатаны, и далее, что 2-я часть должна была содержать в себе известный каталог Одена (Audin). Были ли изданы эти две части — не знаем, кажется, что нет еще. Из кратких выписок Вейгеля видно, что этот аукцион был одним из замечательнейших в Европе. Вейгель приводит несколько рукописей, единственных в своем роде, и оценка им была от 1265 франков до 2000.

Был между прочим список Дантовой Комедии — пергаментная рукопись 14 века, с гербом Макелла Маллестини, из чего можно заключить, что это та самая рукопись, которую Дант передал маркизу М. Маллестини. Было также несколько первоначальных изданий классиков, как-то: *Homeri Opera*, 2 vol. Florent, 1488, *Lactantii Firmiani divini institutionibus adversus gentes libri septem*, Subiaco, 1465 fol.¹ (первопечатная в Италии книга) и много других примечательностей. Вейгель говорит, что граф Бутурлин лет пятнадцать жил в Тоскане.

После изданный каталог книг графа, собранных во время пребывания его в Италии и проданных в Париже, следующий: *Catalogue de la Bibliothèque de feu M. le Comte D. Boutourline, dont la vente se fera le lundi, 25 Novembre 1839, et jours suivants, à 6 heures de relevé, rue de Bons-Enfants N 30, maison Silvestre, salle le premier. Les adjudications seront faites par M. Commandeur, Commissaire—priseur etc. Paris, chez Silvestre, librairie, 1839 (8°). Titre et advertisement sur 4p, texte sur 306 et Table de 8p. Deuzième partie, dont la vente sera le lundi 16 Nov. 1840 et jours suivants ibid. Там же, 1840, (8°), 254 и 8 нenum. стр. Troisième et dernière partie (vente du 4 Octobre 1841, ibid.). Там же, 1841 (8°), 141 и 4 нenum. стр.²*

Каталог этот заключает в себе книги, собранные графом во время пребывания его во Флоренции. Первая часть состоит из списка рукописей и первопечатных изданий, а остальные составлены по каталогу, изданному Оденом в 1831 году. Особенно богат отдел книг итальянских и об Италии. В приложении ко второй части находятся списки изданий Альдов и Бодони. Заметим для библиофилов, что 30 экземпляров этого каталога были напечатаны на веленовой бумаге и перенумерованы.

Экземпляр этого последнего каталога есть в Императорской Публичной библиотеке.

¹ Сочинения Гомера, 2 тома. Флоренция, 1488.

² Каталог библиотеки покойного графа Д. Бутурлина, продажа которой состоится в понедельник 25 ноября 1839 г. и в последующие дни в 6 часов полудни, улица Бон-анфан, № 30, дом Сильвестра, первый зал. Продажа будет проводиться г. распорядителем, комиссаром-оценщиком и т.п. Париж, у Сильвестра, 1839, в (8°) Заглавие и введение на 4 стр., текст на 306 и оглавление на 8 стр. Вторая часть (продажа которой состоится в понедельник 16 ноября 1840 г. и в последующие дни. Там же, 1840 (8°), 254 и 8 нenum. стр. Третья и последняя часть (продажа 14 октября 1841 г.). Там же, 1841, (8°), 141 и 4 нenum. стр. (фр.).

(Из сочинений Максима Грека)

Итальянец Альд Мануций (Aldus Manucius, род. 1447, ум. 1515) – венецианский типограф, знаменит в летописях книгопечатания. Он основал типографию в Венеции в 1488 году и, зная хорошо языки греческий и латинский, издавал классические сочинения верно и отчетливо, по древним рукописям. Особенно славятся его издания Цицерона и Феокрита. Сын его Павел (ум. 1574) продолжал дело отца, печатал в Риме и передал свое заведение сыну, Альду Мануцию Младшему (р. 1574, ум. 1597), поселившемуся снова в Венеции. Книги, вышедшие из типографии Альдов, ценятся знатоками и любителями иногда наравне с рукописями. На их изданиях встречается особый знак: дельфин, обвинившийся вкрут якоря.

Известный наш писатель-богослов XVI века Максим, по прозванию Грек (с Афона, ум. 1556) в бытность свою в Венеции знал славного родоначальника Альдов и упоминает о нем в одном из своих сочинений. Когда именно он его видел – определить трудно; знаем только, по его биографии, что он вызван был в Москву в 1506 году, уже после своего путешествия в Париж и в Италию, где мог застать в Венеции Альда Мануция, умершего в 1515 году.

Сказание Максима находится в рукописном сборнике его сочинений, хранящемся в Румянцевском музее. В описании рукописей музея, А.Х.Востокова, он показан под №CCCLXIV, и на странице 369 напечатано начало отрывка, содержащего в себе изъяснение знака альдинских изданий. Мы передаем этот отрывок вполне.

”Веле еси мне князь государь мой Василие Михайлович сказати тебе, что есть тьлк знамению, его же виде еси в книзе печатней. Слыши ж внятно. В Венеции был некий философ, добре хытр; имя ему – Алдус, а прозвище Мануциоус, родом фрязин, отчством римлянин, ветхого Рима отрасль; грамоте и по римскы и по греческы добре горазд. Я его знал и видел в Венеции и к нему часто хаживал книжным делом; а я тогда еще молод, в мирьскых платьях. Тот Алдус Мануциоус, римлянин, по своей мудрости замыслил себе таково премудрое замышление, вспомяная притчею сею всякому и властелю и невеже, како мочно им будет получитьи вечный живот, аще истинною желают ему. И якорем убо являют утвржение и крепость веры; рыбою ж – душу человечью. И учит нас притчею сею и говорит: как якорь железен крепит и утвржает корабль в море и избавляет его от всякой ябеды морскых влнений и обуреваний, тако де и страх божии нелицемерен, твердо водружен в душах человеческых и всякой правде, истине заповедей божиих, избавляет их от всякые напасти и козней видимых и невидимых враг. И как корабль без якоря не умеет избыти морскых обуреваний, но разбит погружается в бездну и пропадает, тем же делом и душа человеческая, отринувши страха божия, еже есть делание всякыя правды, удобь обладаема бывает невидими враги и погыбает отлучена быша божия помощи. Толико постиже мысль моя худая; толико и сказал. Могый же и более того, да просветит нас. А я тебе государю моему много челом бью”.

Жизнеописания известных воров и разбойников всегда во всех литературах принадлежали к числу многочитаемых и народных книг. Картуш и Мандрен (Mandrin), французские мошенники, известны народу по многим биографиям, написанным грубым слогом и изданным с безобразными картинками. Неудивительно, что Каин, еще живший в памяти народной и имя которого является в поговорках и песнях, нашел биографов, которые нашли себе издателей и читателей. Издания жизнеописаний Ваньки Каина известны мне в трех видах.

Во-первых, существует рассказ о его подвигах, краткий, безграмотно писанный и изданный через 20 лет после того, как Каин попался и над ним наряжена была судебная комиссия, что было в 1755 году. Вот заглавие этого издания, чрезвычайно редкого:

1) *О Ваньке Каине, славном воре и мошеннике, краткая повесть. Печатана 1775, 8°, 30 стр., одна страница поправок и гравированный портрет (в Росписи Смирдина № 2915)*

Я знаю две позднейшие перепечатки этой книжки, не очень редкие, под заглавием:

2) *История Ваньки Каина со всеми его сысками, розысками и сумасбродною свадьбою. Спб., в императорской типографии, 1815, 8°, 32 стр.*

3) *Снова под тем же заглавием, в Петербурге в тип<ографии> деп<артамента> нар<одного> про<свещения>, 1830, 12°, 33 стр.*

Потом появляется более подробный рассказ о проделках Каина, переданный частью со слов его самого, частью по рукописной записке о нем, неким Матвеем Комаровым, "жителем города Москвы", как он называл себя в подписи под предисловием*.

Книга его о Каине имела тоже несколько изданий. Так как они довольно редко попадают в книжной торговле и ценятся охотниками до старинных книг, то не лишним считаю обстоятельно сообщить заглавия виденных мною экземпляров.

1) *Обстоятельные и верные истории двух мошенников: первого российского славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, со всеми его сысками, розысками, сумасбродною свадьбою, забавными разными его песнями и портретом его; второго французского мошенника Картуша и его сотоварищей. Печатано в Санктпетербурге, 1779 года, 8°, 8 неп. и 232 стр.*

* Этот Комаров издал несколько книг. По Росписи Смирдина известны следующие его произведения: 1) Описание тринадцати старинных свадеб великих российских князей и государей, какие во время оных по тогдашнему обыкновению происходили обряды, в том же числе находится свадьба казанского пленного царя Симеона и самозванца Гришки Расстриги. М., 1785, 8°, 2) Старинные письма китайского императора к российскому государю, писанные от нынешнего времени слишком за 150 лет, найдены между оставшимися письмами покойного графа Н.М.Зотова. М., 1787, 8°, 3) Повесть о приключении английского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе, с присовокуплением к оной истории бывшего турецкого визиря Марцимириса и сардинской королевы Терезии. 3 ч. Издание 4-е (Роспись Смирдина, № 8431). М., 1791, 12°. Повесть эта имела множество изданий, в которых исчезло имя первоначального издателя.

2) Второе издание под тем же заглавием. М., в компании типографической, 1788, 8° (у Сопикова, Опыт библиографии, № 4699, заглавие передано неточно; у Смирдина – № 2971). Экземпляр мною виденный – неполный.

3) Третье издание указано Сопиковым (№ 4701): Спб., 1794, в 8°, но это неверно, потому что у меня есть *четвертое издание*, напечатанное годом ранее, т.е. в 1793 году*, под следующим заглавием:

4) *Обстоятельная и верная история российского мошенника, славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, со всеми его сысками, розысками, сумасбродною свадьбою и разными забавными его песнями и его сотоварищей. Четвертым тиснением. Во граде Святого Петра. 1793 года, 12°, 240 стр., с портретом.*

Предупреждение, подписанное "Матвей Комаров, житель города Москвы", такое же, как в издании 1779 года. В этом предисловии Комаров сначала объясняет, что издает написанное им жизнеописание для доказательства, что не один только французский мошенник Картуш достоин удивления, и что напрасно иные думают, "будто у нас в России как подобных ему мошенников, так и других приключений, достойных любопытного примечания, не бывало", и что "нельзя статься, чтобы в такой пространной империи не было таких же приключений, какие в других государствах, малейших против ее частях..."*. Далее он говорит: "...я еще в 1773 году принял было намерение сделать описание дел известного мошенника Каина, о котором я сам от него слышал, будучи в 1775 году для некоторого дела в сыском приказе, в котором он во время бывшей об нем комиссии содержался и рассказал все свое похождение бывшему тогда в том же приказе дворянину Федору Фомичу Левшину. Но как бы ни остра была человеческая память, то через осьмнадцать лет всего порядочно никак упомнить не можно; и для того хотел я сие предприятие оставить. Но в 1774 году нечаянно попался мне маленький список** о делах сего мошенника, который хотя писан таким слогом, как обыкновенно подлые люди рассказывают сказки или какие ни есть свои похождения, притом же от переписчиков учинены великие ошибки, потому что одна материя с другою так смешана, что едва разобрать можно; однако по содержанию оно надобно думать, что оригинал того списка писан или самим Каином, или другим кем по его объявлению. Сверх же того по некоторым обстоятельствам имел я случай говорить с такими людьми, которые его довольно знали, а некоторые имели с ним знакомство и о многих его делах довольно имели сведения". В выноске он прибавляет: "Если бы можно было видеть все производимые о делах Каиновых в московской полиции, в тайной канцелярии и в сыском приказе следствия, то б сия история могла быть еще порядочнее и обстоятельнее; однако ж и теперь несравненно больше в ней вероятности, нежели в пустом задековом предсказании".

В приложении к этому 4-му изданию помещены 54 "Каиновы песни".

5) Пятое (вероятно) издание вышло под тем же заглавием, как издание 1779 года, в Москве, в тип<ографии> А. Решетникова, 1794, 8°,

* След<овательно>, третье издание покуда неизвестно.

** Может быть, этот список издан в 1785 г. (см. ниже).

VIII и 398 стр., с портретом и двумя рисунками. Здесь собрание Каиновых песен (стр. 180–254) состоит из 64-х. Издание это указано в каталоге библиотеки А.Д.Черткова (М., 1838, в 1-й части под № 51).

Третий род жизнеописаний вышел в виде автобиографии, в рассказе от самого Каина или с его слов. Вероятно, это и есть тот "список", о котором говорит Комаров в своем предисловии и который, по его словам, "писан таким слогом, как обыкновенно подлые люди рассказывают сказки". Склад и изложение этого рассказа, независимо от довольно любопытного содержания, показали мне достаточно своеобразны для того, чтобы издать эту книжку вновь, с перестановкою только знаков препинания и некоторых слов в местах совершенно безграмотных*.

Она предпочтительнее других потому, что первая редакция, выше указанная, слишком кратка и еще безграмотнее, а история Комарова, не прибавляя никаких происшествий, увеличивает только рассказ ненужными рассуждениями и утомительна по своему книжному тону. Эта автобиография Каина известна мне в трех изданиях, сходных по изложению и различествующих только незначительными различиями в собственных именах да числом песен. Вот их заглавия:

1) Жизнь и похождения российского Картуша, именуемого Каина, известного мошенника и того ремесла людей сыщика, за раскаяние в злодействе получившего от казни свободу, но за обращение в прежний промысел сосланного вечно на каторжную работу, прежде в Рогервик, а потом в Сибирь. Писанная им самим, при Балтийском порте, в 1764 году. В Санктпетербурге, 1785 года, 12°, 77 стр.

2) История славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, со всеми его обстоятельствами, разными любимыми песнями и портретом. 1788, 8°, 96 и 60 стр. (без обозначения места печати). Здесь 50 песен.

3). Под тем же заглавием. М., 1792, 8°, 159 стр. Здесь также 50 песен. Текст отличается тем, что окончание изменено и рассказ заключается не словами Каина, а от третьего лица, хотя не прибавлено ничего, только многословнее говорится об его покушении увезти Будаеву и об его ссылке.

4) Та же книга у меня есть в том же виде, с теми же 50 песнями, но другой печати, в 12-ю долю листа, в 168 стр., неизвестно, какого года и где печатана, потому что нет заглавного листа. Вероятно, первое и второе из этих изданий указаны у Смирдина в росписи под № 2914 и 2915.

В 1858 году издан в Москве сокращенный и переделанный рассказ о Каине под таким заглавием: История известного пройдохи Ваньки Каина и постигшего его наказания. В 2 ч. М., в тип. Смирнова, 1858, 12°, 121 стр.

В издании 1785 года, с которого мы перепечатали жизнь Каина, нет песней, приписываемых ему или по преданию петых им и его шайкой. В перепечатке 1792 года и в другой, неизвестного года, упомянутой у меня под № 4, приложено 50 песен, а в изданиях книги Комарова их

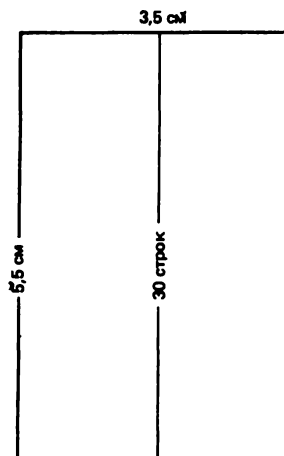
* Жизнь Ваньки Каина, им самим рассказанная. Новое издание Григория Книжника. Спб., в типографии В.Безобразова и комп., в 16-ю долю листа, 92 стр. (цена 30 к. серебром).

больше, именно: в издании 1793 года — 54, а в издании 1794 года — 64; следовательно, прибавления эти произвольны. Притом в обоих изданиях различные песни: одни находятся в первом и не имеются в другом, и наоборот. Большая часть их помещена в "Сказаниях" г. Сахарова.

МИНИАТЮРНЫЕ ИЗДАНИЯ ДАНТА И КРЫЛОВА

На Всемирной парижской выставке между примечательными произведениями типографского искусства было особенно замечено крошечное издание "Божественной комедии" Данта, микроскопической печати, изданное в Милане (фирма Herico Hoerpli). Это миниатюрная книжечка в 499 стр., с портретом Данта.

Вот ее размер и расположение стихов на странице:

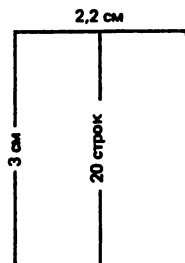
Все удивлялись утонченности типов, при отчетливости их, и подвигу — напечатать полное творение Данта такими типами и в таком малом виде — и все газеты возвести об этом последнем слове мелкой печати. Буквы были изготовлены еще в 1834 году неким Antonio Farina¹, но не находилось наборщиков для такой утомительной для глаз работы до 1873 года. Однако исполнивший ее, Juiseppe Seche², заболел от нее глазами. Шрифт после оттиска 1000 экземпляров был уничтожен, поэтому эту книжечку теперь уже трудно достать. До сих пор самое маленькое издание Данта было лондонское 1822—1823 годов в 8 сантиметров вышины и 4 сантиметра ширины, с 52 стихами на странице. Были и другие миниатюрные книги, но ничего подобного новому Dantino не выходило. Обзор таких изданий, любопытных как образчики типографского искусства и труда, находим в брошюре "Des impressions microscopiques par L.Mohr". Paris, 1879 (Extrait des Miscellanées bibliographiques)³.

¹ Антонио Фарина (фр.).

² Джузеппе Сеше (фр.).

³ Микроскопические издания Л.Мора. Париж, 1879 (Оттиск из библиографического издания) (фр.).

Однако немногие знают, что самая малая книга, превосходящая по мелкости набора указанного Данте, вышла в России. Именно это издание 23 басен Крылова, помещенных на 84 страницах миниатюрного формата с портретом Крылова. Вот его размер:

В известиях Археологического общества, т. III (1861), на стр. 461 в биографии покойного Рейхеля, известного нумизмата, бывшего до того директором экспедиции заготовления государственных бумаг, читаем следующее: "Чтобы выказать степень совершенства, до какой доведено у него книгопечатное искусство, Рейхель в 1855 году велел отпечатать, для любителей библиографических редкостей, несколько книг басен Крылова в 256-ю долю листа, величиною меньше полудойма, набранных микроскопическим шрифтом, называемым диамантом; только крепкие глаза могут читать это издание, а между тем, рассматривая печать в увеличительное стекло, видишь совершенную четкость и правильность набора этого *pes plus ultra*¹ наборного и печатного искусства.

Вероятно, оба эти издания можно видеть в Императорской Публичной библиотеке. При сравнении их оказывается, что на пространстве страницы издания Крылова, не считая пагинации, помещается 20 строк, тогда как на таком же пространстве в Данте только 17 строк, поэтому набор Крылова мельче.

ЗАМЕТКИ О СТАРИННЫХ РУССКИХ ПЕРЕПЛЕТАХ И ОКЛАДАХ КНИГ

Проследить постепенно, с начала письменности, развитие переплетного искусства в России едва ли возможно. Судя по тем образцам, какие сохранились в собрании древних рукописей, видно, что это искусство усовершенствовалось медленно и что мастера наши придерживались однажды принятых форм. Вероятно также, что книги, завезенные к нам из Греции и с Запада, доставлялись в царские и монастырские книгохранилища переплетенными. Эти переплеты, досчатые и кожаные, могли служить у нас образцами. Есть переплеты на наших старинных рукописях одновременные с происхождением самих рукописей и на них тиснения и украшения совершенно русские по рисунку, так что можно предположить, что доски, служившие для тиснения, сделаны русскими мастерами.

¹ Совершенство, крайняя степень (*лат.*).

По введении книгопечатания в России, без сомнения, вместе с мастерами книгопечатного дела у нас явились переплетчики. При множестве исторических и археологических источников, которые теперь отыскиваются и издаются, можно надеяться, что откроются в каких-нибудь старинных описях или счетах некоторые имена переплетчиков, особенно придворных, и известия о жаловании, им даваемом, о цене переплетов и т.п.

Покуда сообщаем несколько сведений из печатных материалов. Что касается до отношения образцов переплетного дела, находящихся в наших библиотеках, и приурочения их к известному времени, то это можно сделать только после тщательных розысков в значительнейших собраниях старинных рукописей и книг и по сравнении их, — это предоставляем сведущим библиографам, имеющим к тому возможность и преимущественно занимающимся исследованием о старопечатных книгах.

Из описи книг патриарха Филарета Никитича (1630)* видно, что значительная часть его книг была в переплетах, досчатых и в коже, обыкновенно красной, иногда белой. Есть книга "в сафьяне лазоревом, выбивана золотом". Были также обтянутые рытыми тканями, бархатом, "оболочень" (или "поволочень"), камкою вишневою или "учатком золотым по таусинной земле"; один требник значится обогнутым в хараты**. Иногда просто сказано, что книга переплетена, и тогда, вероятно, разумеется обыкновенный досчатый переплет с кожей.

Вообще из этой описи видно, что и тогда уже были переплеты разнообразные и роскошные; при этом не должно забывать также значения и богатства патриаршего книгохранилища в России. Самые ценные переплеты, как видно из этой описи, употреблены для Евангелий и Апостолов. Так, между прочим упомянуто Евангелие тетра, древнее письмо, в полдсть, "обложено бархатом червчатым, плащи на верху и исподи серебрянные белые, а застежки серебрянные же позолочены, в ней прокладочки, кисти золото с шелком, лагалище сукно вишнево, подложное тафтоу желтою". В другом месте значится "книга Евангелие печатное в десть, по обрезу золото, в досках, не покрыто ничем. И 140 года Сентября в 26 день по указу великого государя, светейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси, тое Евангелие поволочено червчатым бархатом, взят бархат с казенного двора, а Евангелисты взяты из домовья казны; и за те Евангелисты государь пожаловал из кельи в домовую казну 12 рублей 30 алтын денег, и тое Евангелие пожаловал в Знаменский монастырь в церковь Афанасия Афонского". Обрезы на книгах иногда красные, иногда басмяны с золотом. Из другой описи библиотеки того же патриарха***, более обстоятельной, видно, что часто книги были с застежками медными и серебряными, с жучками металлическими же, которые резаны с финифтью или пробивные. Жучки, это род ножек или подставок по углам, на исподней стороне переплета. Застежки были обыкновенно две, но иногда означено, что книга об одной застежке.

* Напечатана в описи Государственного архива старых дел, Н.Иванова. М., 1850.

** В пергамент переплетали книги в Европе преимущественно в XVI столетии, и введение этих переплетов приписывают иезуитам.

*** См. Временник Им<ператорского> М<осковского> общ<ества> истории и др<евностей>, книга 12.

Искусство наших старинных переплетчиков особенно высказывалось в обделке Евангелий и важнейших богослужебных книг, и тогда их работу оканчивали и украшали мастера чеканного и золотого дела. Книги эти переплетались и заключались в доски с матерчатыми обложками и металлическими покрывками: это были оклады с резьбой и чеканью, с работою басменною и сканною. Книги такие служили обыкновенно предметами драгоценных вкладов в монастыри и церкви и были часто весьма драгоценны по золоту, серебру, камням и финифти и по тонкой работе. В московских соборах, в Троицко-Сергиевой лавре, в некоторых старинных монастырях сохраняются некоторые древние оклады, замечательные по богатству их и старинной работе. Украшения, и рисунки, и финифтовые изображения помещались на наугольниках и посередине в круглых, овальных или узорчатых серединках. Изображаемы были на них лики Евангелистов, а в середине распятие Христово или же Иисус. Закрывались эти переплеты застежками на петлях или просто защелками.

УКАЗАТЕЛЬ БИБЛИОТЕК В РОССИИ*

Этот список представляет опыт собрания воедино и указания главнейших сведений о наших библиотеках, извлеченных из разных печатных источников. Известия о библиотеках в России чрезвычайно разнообразны, рассеяны во множестве изданий и большею частью очень скудны. Только постоянно следя за журналистикою, даже провинциальною, и отмечая постепенно сюда относящееся, можно было составить этот перечень, конечно, еще не полный и не точный. Особенно недостаточны данные современные и новые, цифры о настоящем положении библиотек, о их деятельности и употреблении и о числе читателей. Эти данные были бы важны для истории нашего общества и просвещения и могли бы повести к выводам. Даже о числе книг в наших библиотеках мы не могли передать свежих и последних известий, тем менее о их деятельности. Печатные каталоги общественных и казенных библиотек весьма немногочисленны и частью устарели. Истории библиотек почти нет, кроме нескольких более значительных и университетских. О частных библиотеках, иногда весьма замечательных по богатству, или составу их, нет почти печатных сведений**. О публичных библиотеках, открываемых в разных городах, особенно в последние годы, довольно часто публикуется в газетах, но обыкновенно статьи о них состоят из объявления об открытии и пожертвованиях, из нескольких рассуждений и т.п. О ходе же дела,

* Печатаю этот указатель, обращаясь с покорнейшею просьбою ко всем лицам, заведующим общественными и частными библиотеками в России, сообщать нам дополнения к нему и поправки. (Ред.)

** Заметим, что прежние библиофилы были рачительнее и внимательнее к своим сокровищам и печатали статьи о них и описи. Так, мы имеем каталоги библиотек, перешедших теперь в другие руки, гр. Бутурлина, Власова, кн. М.А.Голицына, гр. Головкина, П.Г.Демидова, Кастерина, гр. Разумовского, Свинына, гр. Ф.Толстого, И.Н. Царского, А.Д.Черткова, А.Ширяева. В нынешнее время, разумеется, частные библиотеки теряют прежнее значение и собираются более со специальною, или ученою, целью, нежели из библиофильства, и сливаются с общественными собраниями.

об успехе или неуспехе учреждения, о пользовании и употреблении редко что-либо сообщается, и существенная сторона дела и отчетность ускользают от нашего внимания. Бывают исключения, — но они редки, — когда библиотеки, как некоторые университетские, например Одесская публичная, а в более широких размерах — петербургская Публичная, ежегодно обнародуют отчеты о своих приращениях, средствах, о всем своем составе, а также и об употреблении библиотеки. Даже Петербургская академическая библиотека, для которой органом ее отчетности мог бы служить календарь и отчеты Академии, незнакома публике, хотя и открыта для нее. То же можно сказать почти о всех казенных библиотеках. Частные библиотеки для чтения тоже обыкновенно ограничиваются объявлениями в газетах об условиях подписки и печатанием кратких каталогов — и только; о ходе же подписки, денежном обороте, вообще об употреблении их ничего не узнаем.

Прекрасный пример — но которому никто не подражал — подал недавно г. Чернин, учредитель библиотеки для чтения в Твери, а потом в Москве, оглашением годичной деятельности своего заведения в Моск<овских> Ведомостях. Библиотеки Рязани и Твери тоже опубликовали свою деятельность. Отчетность библиотек должна быть полная, по возможности всесторонняя, и отчеты петерб<ургской> Публичной библиотеки могут в этом случае служить образцами и программю. При этом не должно бояться упрека за мелочность в передаче подробности и цифр, любопытных для немногих. Общественные учреждения должны подвергаться общественному надзору и суду и для этого должны оглашать свою деятельность вполне. От такой гласности, конечно, далеко до той совершенной безгласности, какая встречается у нас и при которой самое существование иных библиотек делается сомнительным. Если же останавливаться перед суждениями о том, что может быть интересно или неинтересно для большинства читателей, то, конечно, придется ограничиваться в публиковании нужных сведений, потому что многим читателям не нужны вовсе самые библиотеки, не только отчеты о них. Но если мы видим равнодушие к знакомству с более практическими учреждениями, каковы, например, акционерные общества, и безучастие к ним самих акционеров, а не только к учреждениям на пользу образования и просвещения, которые считаются часто за лишнюю роскошь, то мы, конечно, никак не должны, в угождение этому безучастию, предаваться бездействию и молчанию. Рассуждениями о пользе библиотек, выхвалениями их учредителей и излияниями радостных чувств при их открытии, иногда в стихах, мы еще не много сделаем. Для истории, для статистики, наконец, для пользы самого дела нужны факты. Разве смотреть на эти объявления как на поощрительные средства к пожертвованиям и к возбуждению тщеславия учредителей и вкладчиков — но не следует же ими ограничиваться. Число читателей в русских библиотеках, описи их и история, число подписчиков на журналы и газеты, обороты книжной торговли, таблицы о количестве печатаемых в России книг, списки типографий, с цифрами о их производительности и средствах, одним словом, все обстоятельства и подробности книжного дела у нас — вот данные, которые нужны для статистики просвещения, для заключений о степени нашего образования и умственных потребностей, и вот

чего еще нам недостает и чего, вероятно, не скоро еще дождемся от бедной нашей гласности.

Петербургский Книжный Вестник или Журнал Министерства народного просвещения могли бы служить органом для собирания и опубликования современных сведений о наших библиотеках и типографиях. Сведения же могут сообщаться как прямо и непосредственно от участников дела, так и косвенно, передачею всего, что печатается об этом в других журналах и газетах. Опыт такого обзора относительно публичных библиотек появлялся в некоторых книжках Журнала Министерства народного просвещения 1861 года: Московские Ведомости также довольно часто передают новости по этому предмету. Пусть наш указатель поможет собиранию таких сведений ссылками на прежние статьи и книги*, поведет, может быть, к соображениям и выводам и подстрекнет других к пополнению и распространению указанных в нем данных. <...> АВЧУРИНО (село, близ Калуги)

Здесь находится одно из значительных частных собраний русских книг, принадлежащее С.Д.Полторацкому. Начало этому собранию положил еще в прошлом веке Петр Кириллович Хлебников (ум. в 1777 г.), страстный собиратель, передавший охоту сыну своему. Она особенно богата старыми периодическими изданиями и многими материалами для истории русской литературы. Краткое сведение о ней сообщено было самим владельцем ее, С.Д.Полторацким, в Иллюстрации, т. II (1846, № 9). <...>

ВЛАДИМИР

Во Владимире основана была публичная библиотека еще в 1834 году и помещена была в дворянском собрании. Краткое известие об этом, А.Герцена, находим во Влад<имирских> Губ<ернских> ведомостях 1838 г., № 8. <...>

ВЯТКА

Публичная библиотека здесь открыта была еще в 1837 году, декабря 6 дня, и по этому случаю сказана была А.Герценом речь. Тогда же напечатанная (4°, 6 стр.) и перепечатанная в Сев<ерной> пчеле 1862 года, № 143. <...>

МОСКВА

Публичная библиотека при Музее открыта 6 мая 1862 года. В нее вошла библиотека Румянцевского музея, богатая рукописями, описанными Востоковым, и книгами о России, значительное собрание книг из Эрмитажа и Публичной петербургской библиотеки, исторические книги покойного К.М.Бороздина и др. Она помещена в известном доме, бывшем г. Пашкова. Положение и штат ее утвержден 19 июня 1862 года (Московские Ведомости, №176). Об нем см. подробный отчет в апрельской книжке 1864 года Журнала Министерства народного просвещения. <...>

Из частных собраний рукописей и старых книг замечательны В.Ундольского, И.Забелина, Ф.Буслаева, Н.Погодина, Н.Тихонравова, В.Касаткина, Рахманова, Солдатенкова, Хлудова; собрания русских журналов

* Указание книг и статей о библиотеках в России см. также в моей «Литературе русской библиографии», Сиб., 1858.

и вообще русских книг у гг. В.Кокорева, А.Афанасьева, М.Лонгинова; по русской истории у профессора Бодянского. <...>

Библиотека книг иностранных у С.Соболевского (до 20 000 т.) и покойного кн. С.М.Голицына, назначенная к открытию вместе с его картинною галереєю. Первая замечательна по части путешествий и библиографий, вторая инкунабулами и роскошными и редкими изданиями.

ПЕТЕРБУРГ

Императорская Публичная библиотека. Не считая нужным передавать здесь кратко историю и описание нашего славного книгохранилища, о котором столько писано, укажем только на путеводитель ее и на обстоятельную о ней брошюру: Императорская Публичная библиотека в эпоху ее перехода в ведомство Министерства народного просвещения. Спб., 1863 год (из октябрьской книжки Журнала Министерства народного просвещения). После того, в ноябре 1863 года, открыта комната для чтения журналов.

Напечатанные книги и статьи о Публичной библиотеке указаны в книге: Литература русской библиографии, Геннади, Спб., 1858, а издания ее описаны в Catalogue des publications de la bibliothèque. J.P.de St.Pet. 1861¹.

Библиотека Академии наук. Основанием ее послужили книги, собранные Петром Великим, Арескиным, Брюсом, Шафировым. В 1728 году она была помещена в здании кунсткамеры. В 1741 году напечатано описание ее (с рисунками) на трех языках (см. Ученые записки Академии по I и III отд., т. 1, стр. 321 и 531) и в следующем каталоге (см. мою Литературу русской библиографии, стр. 85 и 178). При императрице Елисавете, в 1747 году, назначено на содержание библиотеки и кунсткамеры 2000 р. в год и в том же году она пострадала от пожара. К пятидесятилетнему юбилею в 1776 году в ней, однако, было уже более 36 000 <книг>; библиотека состоит из двух отделов: русского и иностранного, состоящих под ведением двух академиков. Она открыта для публички ежедневно, по утрам. <...>

Из частных библиотек в Петербурге укажем некоторые нам известные:

- 1) Д.В.Поленова – собрание книг по русской истории и разные издания сочинений русских писателей.
- 2) И.И.Срезневского – хорошее собрание книг о славянских землях, и особенно по истории и языкознанию.
- 3) Проф. Куторги – избранная библиотека по древней истории.
- 4) Бывшего лектора университета Джустиниани – большое собрание, разнообразного содержания, на разных языках. Особенно много изданий классиков и книг о России.
- 5) Графа Н.П.Панина – отборное собрание книг иностранных писателей о России.
- 6) Графа В.П.Орлова-Давыдова. Здесь между прочим греческие рукописи, купленные им во время путешествия на Восток (см. Библиотеку для чтения, 1837, № 2, смесь, стр. 60).

¹ Каталог публикаций императорской библиотеки в Санкт-Петербурге. 1861 (фр.).

7) Академика А.Куника, значительная библиотека книг о России и библиографических редкостей.

8) М.И.Семевского, книги о России, рукописи преимущественно по новейшей русской истории и литературе.

9) Графа С.Г.Строганова, книги, относящиеся до России, и замечательные рукописи. <...>

ПОРЕЧЬЕ (село Можайского уезда)

Здесь находится богатая, особенно классиками, историческими сочинениями и редкими изданиями библиотека, собранная бывшим министром просвещения гр<афом> С.С.Уваровым. К ней присоединились собранные его сыном графом Алексеем Сергеевичем русские книги и рукописи. К нему поступили рукописи, принадлежавшие И.Н.Царскому, И.П.Сахарову, С.Д.Полторацкому. Граф начал печатание некоторых своих памятников изданием сочинений Кирилла Туровского.

РЯЗАНЬ

Публичная библиотека, которую пытались устроить еще в 1830 году, открыта собственно 1 декабря 1857 года и состояла тогда из 1000 названий книг, и об открытии ее тогда же возведено было в Моск<овских> Ведомостях (№ 16 и 58), а отчеты библиотеки за 1858 и 1859 годы и напечатаны там же, в № 58 1860 года. С самого основания библиотека получила значительные взносы деньгами и книгами (от гг. Рюмина, Полуденского и др.). В ней более 3000 томов книг и 4000 номеров периодических изданий. О деятельности ее сообщено в Рус<ском> Дневнике 1859 года, № 23. Отчет за 1860 год в Ряз<анских> г<убернских> вед<омостях> 1861 года, 1 —, а за 1861 год в вед<омостях> 1862 года, № 6 и в Сев<ерной> Почте, 1862, № 17. Печатный каталог издан в 1859 году. <...>

СИМБИРСК

Начало Карамзинской публичной библиотеки положено в 1846 году пожертвованием книг (до 4000 томов) покойного Н.Языкова — от его братьев — бумагами Карамзина и другими взносами. Она помещена была в доме дворянского собрания, обеспечена ежегодным взносом от дворян, открыта 18 апреля 1848 года для посетителей и подписчиков, под названием Карамзинской, в память историографа, уроженца Симбирской губернии. В 1859 году в ней было на русском языке более 4500 томов, на французском — 1251 и пр., всего до 6500 томов; к 1863 году — 7700 томов. Каталог русских книг напечатан (Московские ведомости 1860 г., № 80 и официальный отчет за 1862 г.). Об открытии ее см. Московские ведомости 1857 года, № 32 и Северная Пчела, № 92 и также Моск<овские> ведомости 1859 года, № 24 и Северная Почта 1862 года, № 242. <...>

ЯРОСЛАВЛЬ

<...> Библиотека Е.И.Якушкина. Собрание журналов, полное собрание альманахов, книг по истории России, этнографии и пр.

ЖЕНЩИНЫ И КНИГИ

Ж<енщины> и к<ниги>! Что тут общего? Что значит это сближение? Что это — насмешка, странность, новость? Если это исследование сперва

о женщинах, потом о книгах; или о женщинах, которые говорят, как книги, и о книгах, в которых говорится о женщинах? Кажется, женщины не похожи на книги и можно говорить последовательно, но не вместе об этих двух предметах. Извините мне слово *предмет*, когда говорю о ж<енском> прекрасном поле. Когда дело идет о рассуждении и сравнении, то все может быть *предметом* — и чувство, и мысль, и цветы, и музыка, и женщины.

Да, ж<енщины> и к<ниги> — две ве... извините, два предмета совершенно разные в самом деле.

Книга, во-первых, вещь, и вещь четвероугольная, сухая, жесткая, составленная из мертвых букв и безжизненной бумаги, подающая слабые, бессмысленные звуки, и то только тогда, когда ее перевертываешь, и не рассуждающая сама по себе, а служащая только переводчиком чужих мыслей.

Ж<енщина> — существо с круглыми, изящными формами, с телом, с жизнью, с движением, говорящее и поющее, иногда рассуждающее и даже здравомыслящее.

Но хотя не бывает круглых книг и четвероугольных женщин и хотя книги вещи мертвые, но часто бессмертные, женщины существа живые, но скоропреходящие, однако между ними много сходного, близкого и общего.

Книги бывают легкие, милые, красивые, ручные, отрадные уму и сердцу, и ж<енщины> тоже.

Книги бывают тяжелые, неуклюжие, некрасивые, неловкие, не трогающие ни ума, ни сердца, и ж<енщины> тоже.

Книги, некоторые впрочем, доставляют множество наслаждений, занимают ум, оживляют воображение, приятно волнуют сердце, пробуждают воспоминания, создают мечты, наконец, улаживают зрение, и ж<енщины> тоже.

Книги, некоторые, а порою и все, надоедают и бесят и, ж<енщины> тоже. Но тут есть разница: книгу можно поставить на полку, подарить или в порыве негодования бросить под стол и сжечь; с ж<енщиной> этого сделать нельзя. Хотя один из моих приятелей, негодующий на супружескую жизнь, и говаривал:

По-моему, чтоб зло пресечь,
Так взять бы ж<енщин> всех и сжечь.

И в ответ на мое неотразимое возражение о невозможности такого великолепного женосожжения переделал эти стихи так:

По-моему, чтоб зло пресечь,
Так всех бы женщин пересечь.

Я ответил, что это совершенно невозможно и бесполезно, и тем дело кончилось.

Сколько сходного в впечатлении, которое производят книги и ж<енщины> в знакомстве и обхождении с ними. Вам попадаетеся мильенное новенькое французское издание, с картинками и украшениями, с красивою печатью, на гладкой бумаге, в изящном переплете. Вы с любопытством рассматриваете его, любуетесь, просматриваете оглавление и имена известных авторов, и интересные заглавия заманивают вас. Вы разворачиваете книгу, принимаетесь читать одну статью — скучно, вяло,

другую — пусто, третью — глупо, и только из уважения к переплету не бросаете вы книгу, но осуждаете ее на забвение и презрение.

Вы встречаете женщину; она довольно миловидна, свеженькая, тонкокожая, румяная, разряженная и разукрашенная; вы знакомитесь с нею, танцуете, начинаете разговор, но говорите об одном — и получаете в ответ пустую фразу, о другом — пошлость, о третьем — глупость, и вы оставляете новую знакомку, изрекая над нею непреременный суд, и черты ее улетают из вашей памяти.

Но есть любители, знатоки, библиофилы; они Бог знает где, в пыли, в старом хламе открывают сокровища. Глядишь — книжка небольшая, невидная, растрепанная и старая, в плохом переплете или неуклюжий фолиант — а за него даны большие деньги, он приобретен с трудом и хлопотами и обладатель этой книги ценит и часто перевертывает ее желтые листы и ни за что не расстанется с нею. Иногда за какую-нибудь страницу или картинку и особенность книга привлекает внимание и нравится. По ничтожному признаку узнают достоинство книги. Опечатка в глазах библиофила может быть хорошим признаком, и, найдя ее, он восклицает:

C'est elle... Dieu! que je suis aise!
Oui... c'est... la bonne édition;
Voilà bien, page neuf et seize,
Les deux fautes d'impression
Qui ne sont pas dans la mauvaise¹.

А с женщинами разве не то же? Смотришь на иную из них: она и не так уж молода, и черты лица далеко не безукоризненные, и волосы не роскошные, и зубы не жемчугообразные, кажется, и ума и сердца в ней немного. А глядишь — она нравится и влечет к себе, завоевывает хорошего человека и он любит, и холит ее, и души в ней не знает. А иногда, по-видимому, недостаток в наружности женщины в глазах иных людей служит порукою скрытых качеств и милых свойств. Иные, например, не любят слишком маленький рот, рыжие волосы, ямки на щеках, сросшиеся брови, бородавки и т.п., а для некоторых это составляет особенную прелесть и совершенное удовольствие.

Спб., 1852, апрель.

Быль эту можно бы и больше пояснить,
Да чтоб гусей не раздражить.

ИЗ ПИСЕМ

1. *С.Д.Полторацкому. Из Петербурга в Москву, 1 марта 1852 г.*

Обзор русской журналистики опять заставил меня мечтать о *списке журналов*. Дождусь ли я его? Увижу ли хоть материалы ваши? Передайте их хоть Тихонравову, с тем, чтобы он сообщил кое-кому, особенно собирателям русских журналов, для дополнений.

2. *С.Д.Полторацкому. Из Москвы в Авчурино, 18 октября 1853 г.*

Как досадно, что вас нет. Но, пользуясь вашим позволением, я таки пороюсь в ваших шкафах, где на досуге мог бы извлечь очень многое для своих картонов, списков, материалов и проч<его>.

¹ См. примеч. к статье "О редких книгах, в особенности русских".

3. С.Д.Полторацкому. Из Петербурга в Москву, 29 декабря 1857 г.

Я перебираю нек<оторые> старые журналы в Пуб<личной> б<иб-
лиотеке>. На первых порах не оказалось след<ующих> изданий: 1) По-
денщина 1768 года, 2) Аврора, 3) Сев<ерная> пчела 1807 года, 4) Мои
досуги, 2 ч. 1801 года, 5) Муза Мартынова с 1796 года, 6) Парнасский
мотылек 1808 года. Увы! Где искать их? Хоть бы увидеть! Разве поехать
в Авчурино?

4. С.Д.Полторацкому. Из Петербурга в Москву, 25 февраля 1856 г.

Получил, с неожиданным удовольствием, два тома дю Рура. Есть
вещи очень любопытные. Когда я показал книгу Джустиниани, у него
слюнки потекли и он предложил мне 5 рублей за них, а я ему шпш.

5. С.Д.Полторацкому. Из Петербурга в Москву, 25 февраля 1856 г.

Ну теперь поцалуемся. Есть ли у вас Руссова библ<иографический>
каталог рос<ийским> писательницам? Злодей, вы увезли мои брошюр-
ки о Потемкине и Иване и не дали их и понюхать.

6. С.Д.Полторацкому. Из Юшино в Москву, 10 августа 1856 г.

У меня в библиотеке образуется особый род потешных или забавных
книг... библ<иофильские> игрушки или балаболки. Покуда еще одна
полка. Тут, например, Петерб<ургские> сумерки Страхова, напечатан-
ные голубыми чернилами, Похождения Пошехонцев, книги без ъ-ов, со-
чинения Анаевского, Совесть-драл, Смеющийся Демокрит и tutti quanti.
Не знаю, сделать ли в моем каталоге (который теперь пишется на лист-
ках) особого отдела?

7. С.Д.Полторацкому. Из Юшино в Москву, 24 июня 1857 г.

Сегодня утром было жарко, я в полдень лежал под липами в сетке
(hatac) и читал прелестную статью Забелина о рус<ских> женщинах
в старину (в Р<усском> вестнике). Сегодня же, после полудня,
просматривал свои журналы; за какой ни возьмусь, либо книги, либо
листа нет. Приходится затынуть песню о горе-злосчастии <..> Мне хорошо
в деревне, с хорошими соседями, с французом поваром, с новыми жур-
налами и старыми книгами, напоминающими своим запахом толкучий
рынок и Сухареву башню.

8. С.Д.Полторацкому. Из Петербурга в Москву, 29 декабря 1857 г.

На днях на толкучем продана Пустомеля за 10 р. сер<ебром>, но не
мне. Я перестаю быть библиоманом и узнаю цену денег и книг.

9. С.Д.Полторацкому. Из Петербурга в Москву, 2 марта 1853 г.

У меня на днях были Анненковы, издатели Пушкина. Кое-что им
сообщил, между прочим сведения о 12 разных печатных портретах Пуш-
кина. Вообразите, что они не читали статьи его отца в приложении к
Отеч<ественным> Запискам, не видели Одесского альманаха, где рису-
нок его дома!

10. С.Д.Полторацкому. Из Петербурга в Москву, 2 марта 1853 г.

В Публичную библиотеку поступила брошюрка: Dianologic etc, печат-
анная в Лондоне!!! Что дадите, если достану? Эдакие подвиги бескоры-
стно нельзя совершать.

Собиратели книг в России

Москва «Книга» 1988

ББК 76. 106
С 54

Составитель
Л.М.Равич

Рецензент
А.Э.Мильчин

Художник
В.А.Корольков

Составитель
Любовь Моисеевна Равич
**СОБИРАТЕЛИ КНИГ В РОССИИ.
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА.**

Зав. редакцией Т.В.Громова
Редактор Н.В.Дашковская
Художественный редактор Н.Г.Пескова
Технический редактор А.З.Коган
Корректор В.А.Коротаева

ИБ 1633

Сдано в набор 13.08.87. Подписано в печать 11.01.88. А 01904. Формат 60x88/16.
Бум. офс. № 1-70 г. Гарнитура Пресс-Роман. Офсетная печать. Усл. печ. л. 18,13.
Усл. кр.-отт. 18,13. Уч.-изд. л. 23,92. Тираж 20 000 экз. Заказ № 576. Изд. № 4487.
Цена 1р. 80к.

Издательство "Книга", Москва, 125047, ул. Горького, 50.

Набрано на композере в изд-ве "Книга"

Отпечатано в Московской типографии № 4 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли
129041, Москва, ул. Б.Перелазская, 46.

С 450300000-023 9-88
002 (01) -88

ISBN 5-212-00030-0

© Издательство "Книга", 1988